

Магические легенды

ЯРОСЛАВА
ЛАЗАРЕВА

ЛЮБОВНИК РОЗ

Магические легенды

Ярослава Лазарева

Любовник роз

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазарева Я.

Любовник роз / Я. Лазарева — 2016 — (Магические легенды)

ISBN 978-5-699-93236-8

Никто не знает, что в нашем мире уже много лет действует тайный Орден Ловцов самоубийц, выявляющий людей, склонных к суициду, и предотвращающий их гибель. Ловцам противостоит клан прилипал, которые, наоборот, подталкивают людей к самоубийству. Ведь если человек наложит на себя руки, он становится аморфом — призраком, застрявшим между мирами... У Виктора, одного из ловцов, есть все, что нужно для красивой жизни, — деньги, привлекательная внешность, свобода и ум. Многие женщины мечтают заполучить его в мужья, не зная, что Виктору противопоказаны серьезные романы. Ведь если его захватит серьезное чувство, он перестанет быть ловцом. Этим обстоятельством готова воспользоваться прилипала Моника, ведь в ее интересах, чтобы самоубийц становилось как можно больше...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93236-8

© Лазарева Я., 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	23
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ярослава Лазарева

Любовник роз

© Лазарева Я., 2016

© Оформление. ООО «Издательство „Э“, 2016»

Пролог

Из дневника Виктора:

«20.05.2004. Это моя последняя запись. Хотелось оставить на странице только одно предложение: „В моей смерти прошу никого не винить“, как принято в любовных мелодрамах, но мне кажется это пошлым. Пусть будет эта запись, она завершит мой дневник. Кому нужно, тот прочтет.

Тяжело ли мне? Уже нет. Я дошел до той точки, когда мне реально все равно. И еще... мне противно. Жизнь – мерзкая штука.

Сегодня мне исполнилось семнадцать.

Лиза... Два года сильной, безответно мучительной любви. Самая популярная девушка не только в классе, но и в школе, самая красивая, при этом капризная. Лиза решила, что весь мир должен быть всегда у ее ног, вернее, под ее каблучком. И именно это сводит с ума. Она независима ни от чего и ни от кого, на всех смотрит свысока и кажется недостижимым идеалом. Магнит для всех парней. И для меня. Любовь жжет, все еще жжет, все мысли только о Лизе ежеминутно, ежесекундно... Два года... ловить ее взгляд, дрожать от звуков ее голоса, любоваться ее лицом... сидеть на ее страничках в соцсетях и лайкать все ее посты, комментировать фотографии, перед сном посылать СМС с пожеланием спокойной ночи и не получать в ответ даже стандартно краткое: „споки“. Два года мучений... И кто я для нее? Обычный, ничем не выдающийся парнишка, каких много, очередной поклонник в длинном ряду воздыхателей. Хватит!

Но расскажу про этот последний день моей жизни по порядку.

Мама... единственный мой родной человек, только это сейчас вызывает боль. Но разве ей не будет легче без меня? Она выбивается из последних сил, весь день работает на швейной фабрике на монотонной операции подрубания простыней, после смены моет полы в двух офисах и еще берет на дом заказы по индивидуальному пошиву одежды для знакомых. Обычно выполняет их в выходные, а если не успевает к сроку, то и по ночам. А все для того, чтобы у меня, ее единственного сына, ни в чем не было недостатка. Разве не легче ей будет, когда я покину этот мир? Она еще молода, устроит свою жизнь, а я ей только мешаю. И в этом я тоже сегодня убедился!

Мама разбудила меня утром, подарила рубашку, сшитую собственноручно, кожаную куртку, поцеловала и убежала на фабрику. А я отправился в школу. И надел обновки, так хотелось покрасоваться в кожанке, о которой я давно мечтал. Май очень теплый. Ковров – маленький город, кажется, он весь в цвету, воздух пропитан сладкими ароматами, но от этого на душе невыносимо тоскливо. В голове проносятся картины, как я гуляю с Лизой, держась за руки, по яблоневому саду, как смотрю в ее прозрачные голубые глаза, как целую ее розовые мягкие губы... Я не могу избавиться от этих картинок, они мешают дышать, вызывают сердцебиение...

В школе все прошло стандартно. Одноклассники поздравляли, дергали за уши, как маленького, шутили. Но мне показалось, что всем наплевать.

Лиза подошла на перемене, подарила флэшку в виде забавного котенка и легко поцеловала в щеку. И тут я не выдержал и признался. Она смутилась, я видел по лицу, что ей неприятно.

– Вить, я ведь поцеловала тебя только в знак внимания, у тебя все же днюха! – сказала она, глядя мне в глаза.

– У меня нет шансов? – выдавил я из себя, находясь от волнения почти на грани обморока.

– Никаких... сорри... – тихо ответила она и погладила меня по щеке.

Лиза смотрела с нескрываемой жалостью, затем отвернулась и пошла по коридору. Я проводил ее взглядом, ее силуэт будто расплывался. Еще не хватало разреветься, как девчонке!

Не дождавшись окончания уроков, я покинул школу. Друзей у меня практически нет, такой я человек. Мне комфортнее быть одному. Я отправился в кафе, отметил свой день рождения чашкой капучино и мороженым. До вечера бродил по городу, мне казалось, что после отказа Лизы я умер, и по улицам движется только моя тень. Не помню как, но я оказался на центральной площади возле кинотеатра. Девушки легкого поведения тусуются там постоянно. Ко мне подошла одна и предложила поразвлечься.

– А то ты что-то грустный и бледный! – добавила она и расхохоталась, легко ударив меня в плечо. – Взбодрись, пацан! Жизнь прекрасна!

Не знаю почему, но я, глядя на ее молодое симпатичное, но сильно накрашенное лицо, вдруг разоткровенничался. Мне невыносимо захотелось рассказать именно ей обо всех моих несчастьях. Узнав, что у меня сегодня день рождения и к тому же мне отказала любимая девушка, проститутка стала серьезной. На миг маска девахи-веселухи спала с ее лица, оно приняло участливое выражение. Правда, меня напряг довольно странный цвет ее глаз, они были медово-желтыми, но мутными, словно в радужку насыпали песок. При угольно черных волосах и смуглой коже это выглядело жутковато. Но, видно, такой сегодня день, что все мне кажется ненормальным и неприятным. Однако девушка отчего-то невыносимо притягивала меня на физическом уровне. Я решил, что это специфика ее профессии так на меня действует. Пообщавшись несколько минут, я уже видел не ее мутные глаза, а только пухлые губы, покрытые слоем красной помады, пышную грудь, плотно обтянутую полупрозрачной, сильно декольтированной кофточкой, длинные стройные ноги, едва прикрытые коротенькой кожаной юбкой. Желание захлестывало, и с этим трудно было бороться.

– Меня зовут Моника, – тихо сказала она.

– Витя, – растерянно представился я.

– Сонька! – громко позвала она и помахала рукой стайке девушек, группирующихся на ступенях кинотеатра.

К нам подошла ее подруга, миловидная блондинка, на вид моя ровесница.

– Прикинь, у пацана днюшка, – с воодушевлением сообщила Моника. – Устроим праздник имениннику. А то он что-то грустит не по делу! А я очень люблю утешать несчастных мальчиков!

– У меня мало денег, – сказал я.

– А мы и бесплатно дадим по такому случаю! – практически хором ответили девушки, переглянулись и расхохотались. – Я тут рядом живу, – добавила Соня и взяла меня за руку.

Вот так я оказался в квартире проститутки. По пути все же купил бутылку шампанского и торт. Девушки не возражали. Я слышал, как Соня звонит кому-то, и подумал, что докладывает сутенеру. Я далек от этой сферы жизни, но из романов и фильмов почерпнул сведения, как все обычно происходит. Но мне было все равно, кому она звонит, что говорит. Резкий переход от привычной для меня пресной жизни к чему-то новому и увлекательному вывел из оцепенения и вызвал выброс адреналина.

Квартира оказалась маленькой, но уютной. Полумрак, огромная кровать, над ней постер порнографического содержания, красное шелковое покрывало... Девушки моментально разделись. Я оцепенел, глядя на их обнаженные тела. Они легли, приняв эффектные позы. Но на меня будто столбняк напал. Соня раздвинула ноги и начала ласкать себя напоказ. Моника играла со своими сосками и не сводила с меня глаз. Но я по-прежнему стоял возле кровати и даже не разделся. Соня уже так возбуждалась, что упала на спину и громко стонала.

– Не поможешь, котенок? – чуть севшим голосом проговорила Моника. – Нам точно не хватает твоего твердого... как ты любишь его называть?

– Кого? – тупо спросил я.

– Орудие, кий, принц, лысый, молот, голова, жезл, мальчик... и еще кучу названий вы придумываете для своего драгоценного члена, – сказала Моника и хохотнула. – А ты как его называешь?

– Никак, – прошептал я и расстегнул рубашку.

– Наконец-то! – тихо засмеялась она и потянула себя за соски. – Голышом куда удобнее! Соня чуть не кончила, а ты все стоишь!

– Первый раз у меня, – признался я и чуть не задохнулся от смущения.

Шоу, устроенное девушками, вызвало смешанные чувства. Было стыдно, любопытно, но отчего-то противно. Голые тела притягивали открытыми взглядом потаенными уголками, все усиливающимся запахом разогретой плоти, соблазнительными формами. Но в то же время отталкивали казавшейся мне пошлой доступностью. Тайны уже не было, все напоказ, упругие груди с красными сосками, раздвинутые колени, бритые лобки... Мне трудно было отвести взгляд, но отчего-то начало тошнить.

„И такова любовь? – в смятении думал я. – И Лиза в кровати вот так же извивается и стонет от страсти? Неужели и она втихую удовлетворяет себя, закрываясь в ванной, ласкает свое тело...“

Эти мысли вызвали невыносимое омерзение, будто чистый прекрасный идеал вымазали чем-то отвратительным.

– Лапусик, что ж ты не сказал? Первый раз очень важен! – ласково произнесла Моника и соскочила с кровати. – С тобой нужна нежность!

Она обняла меня и прижалась. Запах ее волос, духов, вспотевшего тела проник, казалось, мне прямо в мозг. Она уже расстегивала мои джинсы. Когда я оторвался от ее губ, то заметил, что Соня исчезла из комнаты, и был ей за это благодарен. Моника уложила меня в кровать, притянула к себе. Ее пальцы продолжали ласкать, я закрыл глаза и позволил ей делать все, что она захочет...

Ушел я от девушек около десяти вечера. Что сказать? Первый раз всегда представлялся мне чем-то ошеломляюще фантастичным и прекрасным, но сейчас я ощущал лишь омерзение. Особой разницы между половым актом с женщиной и самоудовлетворением я не почувствовал. Разрядка была стандартной.

Когда я вышел из подъезда, то в темной арке меня встретили два парня.

– Сонька сказала, он будет в новехонькой кожаной куртке, типичный ботан и хлюпик на вид, – услышал я и остановился.

– Вроде он, – ответил второй голос.

Я оглянулся, бежать было некуда. Даже описывать все это не хочу! Да, прижали к стене, для остротки наподдали, сняли куртку, часы, забрали кошелек и смартфон.

Сейчас думаю, что надо было драться с ними. По крайней мере, они бы меня и прикончили. Хотя... мне все равно.

Пришел домой. Хотелось лишь одного: спрятаться в своей комнате, никого не видеть и не слышать. Но мать ждала меня за накрытым столом, она принарядилась, сделала прическу. И как-то враз, словно у меня открылись глаза, я увидел и убогую обстановку нашей квартиры в древней хрущевке, и обшарпанную мебель, приукрашенную вышитыми салфеточками и от этого кажущуюся еще более старой и жалкой, и стол, накрытый новой клеенчатой скатертью с выставленными на нем стандартными салатами и „праздничной“ курицей-гриль, и лицо мамы, неумело подкрашенное и от этого выглядевшее карикатурно некрасивым. Мне стало совсем худо, хотелось закрыть глаза и ничего этого не видеть. И тут из ванной вышел какой-то мужичонка. Я натянуто улыбнулся, стараясь изо всех сил подавить приступ истерического хохота.

– Витенька, – виновато начала мать, – давно хотела тебя познакомить... мой друг Николай Орестович. Ты только чего не подумай! У нас все серьезно, – тихо добавила она, с испугом на меня глядя. – Он кладовщик на нашей фабрике.

– Очень приятно! – пробасил Николай Орестович и крепко пожал мне руку. – Поздравляю, молодой человек! Семнадцать – это серьезно! И армия не за горами! – зачем-то добавил он и захохотал.

– Ждете, когда я уеду? – ехидно спросил я. – Чтобы не мешал любовным утехам с моей матерью?

– Э, полегче! – набычился он. – Оскорблять никого не надо! Людмилочка уговорила меня прийти сегодня в гости, отметить твой день рождения, так сказать, в семейном кругу, и с тобой заодно познакомиться. А ты сразу хамить? Да ты пьян, парнишка! Уже где-то накидался? Ну-ну, я не против, все же в такой день не грех и выпить.

– Может, за стол? – растерянно предложила мама.

– А твой друг и ночевать останется? – не выдержал я. – А может, все же дождетесь, когда я в армию свалю?

Ответ я слушать не стал, ушел в свою комнату и закрылся. Мама через какое-то время постучала, начала звать меня, извиняться, но я лежал на кровати, лицом вниз, зажав уши ладонями. С меня реально хватит.

Я слышал, как хлопнула входная дверь. Видимо, мамин друг все же ушел. Но и это уже не могло как-то повлиять на мое настроение. Дождусь, когда мать уснет, уйду... сегодня же.

Через квартал от нашего дома набережная Клязьмы, длинный автомобильный мост перекинут через реку... Лучшего места не найти. Тем более я так и не научился плавать.

Вот и все. Точка».

Глава первая

«...Ее взгляды говорят сами за себя. Слова не нужны. И это молчаливое согласие на все, которое так легко читается в ее глазах, меня... отталкивает. И ее игра становится бесполезной и даже скучной для меня. Я читаю ее как раскрытую книгу. Нет, как бегущую строку рекламы на фасаде здания. И у нее даже не возникает мысли, что, возможно, я совсем не тот, за кого себя выдаю! Милая глупышка! Но... такая хорошенькая, свеженькая и аппетитная. Почему бы не подыграть ей?»

Виктор закончил предложение, улыбнулся, отодвинул тетрадь, поправил, чтобы она лежала ровно на столе, и аккуратно опустил ручку «Паркер» в антикварную подставку из узорчатого малахита с золотой, чуть стертой окантовкой по ободку стаканчика. На краю старинного письменного стола стояла ваза из китайского тончайшего фарфора, и его молочная белизна оттеняла крупную английскую розу бледно-желтого цвета. Рассеянный утренний свет, смягченный воздушной занавеской, падал из высокого окна на стол. Виктор достал из кармана шелкового халата белоснежный носовой платок и небрежно бросил его возле вазы. Он прекрасно изучил женщин и отлично знал, как они падки на подобные мелочи. Для мужчин, в основной своей массе, не играло никакой роли, что лежит на столе, как расставлены вещи, есть ли цветы в комнате, а вот женщины не выносили пустоту пространства и сразу хотели его обустроить. А если пространство холостого, свободного для отношений мужчины было уже заполнено всевозможными вещами, то они настораживались, выискивали что-то принадлежащее другой – читай: сопернице, вели себя крайне скованно, ведь понимали, что эта территория уже кем-то завоевана, а значит, они тут чужие. И это давало ему преимущество. Женщины служили ему игрушками, он никого не любил, все его встречи были мимолетными и только ради секса. И ставя очередную подружку в такие условия, он быстрее проникал в ее суть и понимал, чего она на самом деле хочет.

Последние десять лет он только этим и занимался – старался увидеть суть любого человека, встреченного им на пути.

Виктор взял из вазы с фруктами пару красных крупных яблок и бросил их на небольшой полукруглый диван, стоящий в углу кабинета. Улыбка не сходила с его лица, ему доставляло удовольствие создавать своего рода театр даже из обычного кабинета. Хотя это помещение обычным назвать было нельзя. Виктор любил устраиваться на новом месте с комфортом, но следуя исключительно своему сиюминутному настроению.

Он приехал в Венецию неделю назад, решив именно здесь встретить свой день рождения. Через три дня ему должно было исполниться двадцать семь. Но поселился не в самом городе, а на «золотом» Лидо, длинном и узком мысе, разделяющем Венецианскую лагуну и Адриатическое море и славящемся фешенебельными отелями, песчаными пляжами и элитными старинными виллами начала прошлого века. Именно одну из таких вилл Виктор снял на месяц, хотя не планировал столько времени провести в Венеции. Но он не любил зависеть от дат и предпочитал платить за больший срок, чем собирался жить. Франческа, менеджер риелторского агентства, респектабельная молодая женщина, уверяла его, когда они ехали на место, что эта вилла уникальна, в ней жили разные знаменитости, в том числе именно там Жак Казот написал роман «Влюбленный дьявол». Виктор сделал вид, что поверил, но достал планшет и набрал в поисковике фамилию писателя. Пробежав по ссылке, выяснил, что Казот родился во Франции в Дижоне, учился в Париже, по делам службы был отправлен на остров Мартиника. Ни о каком Лидо и речи не шло. Он хотел показать ссылку Франческе и уличить ее во лжи, но передумал, решив не тратить энергию на такие пустяки.

Машина уже въезжала в раскрытые кованые ворота. И вид виллы очаровал Виктора. Она оказалась небольшой, в два этажа, с прекрасной широкой лестницей, ведущей к стеклянным дверям, с основательной террасой, заменяющей балкон и увитой шпалерными розами, которые только что начали распускаться.

«Почему бы не поверить в сказку, выдуманную агентством? – размышлял Виктор, выходя из машины и глубоко вдыхая прохладный, пропитанный морскими терпкими ароматами воздух. – Конечно, цену подняли из-за этой псевдоистории с писателем, но мне-то что за дело! Для агентства это выгодный бизнес, рассчитанный на простодушных иностранцев. Почему бы не дать им заработать? Поживу здесь пару недель, а там видно будет. Главное, мне здесь нравится!»

С крыльца торопливо спускалась горничная, миловидная брюнетка, она вежливо поздоровалась на безукоризненном английском, взяла багаж и пригласила Виктора в дом. Он попрощался с Франческой, отказался от услуг личного водителя на все время пребывания в Венеции и двинулся за горничной, машинально оценивая ее хрупкую изящную фигуру в форменном белом костюме, состоящем из узкой юбки и короткого жакета. Виктор быстро осмотрел виллу, выбрал себе просторную спальню на втором этаже и велел оставить багаж там. Горничная спросила, чего еще изволит синьор, он ответил, что на сегодня она свободна. Было уже почти шесть вечера, Виктор немного устал от перелета, хотя он занял чуть больше часа. Но все эти процедуры в аэропортах всегда его раздражали. Он хотел приехать из Рима на машине, но путь в четыреста километров показался утомительным, и Виктор выбрал ближайший рейс до Венеции.

Когда горничная удалилась, заученно улыбнувшись и пожелав ему приятного отдыха, Виктор первым делом отправился в ванную комнату. Ему понравилось, что там есть большое окно с видом на сад, за которым синело море. Он набрал теплой воды, с удовольствием опустил в глубокую овальную ванну, добавил немного розовых лепестков, которые нашел в хрустальной круглой вазе, стоящей на столике. Виктор любил расслабляться и пожалел, что так опрометчиво отпустил горничную. О сексе он не думал, просто хотел, чтобы кто-то принес ему бокал красного вина. Но выбирать из воды было лень, к тому же он пока не знал, где находится бар. Виктор откинулся головой на край ванны и вытянулся. Розовые лепестки плавали в воде и иногда задевали его голую кожу. И это начинало возбуждать.

– Ой, простите! – раздался испуганный голосок.

Но Виктор и не подумал прикрыть низ живота хотя бы руками. Он лениво повернулся к открытой двери. В проеме стояла девушка и смотрела на него, округлив глаза.

– Ой! – растерянно повторила она.

Ее русский был с явным акцентом, выглядела девушка, как типичная итальянка: темные выющиеся волосы, яркие карие глаза, красиво изогнутые брови, сочные красные губы. Все в ней было чрезмерно – насыщенность красок, данных от природы, пышная грудь, которую открывало большое декольте белого батистового платья, тонкая талия, затянутая красным пояском, высоченные шпильки ее красных туфелек.

– Привет! – спокойно сказал Виктор. – А ты не принесешь мне бокал красного вина? Хотелось бы местного... Тут должен быть где-нибудь бар... или внизу есть кухня?

– Вы решили, что я горничная? – спросила она и звонко рассмеялась.

Он улыбнулся, забавлял акцент девушки.

– А разве нет? – уточнил Виктор. – В штате, кажется, две... Одну я уже видел и отпустил ее до завтра. И она тоже была в белом. Приятно, что ты знаешь русский, – добавил он.

Виктор остро глянул на девушку, но она выглядела вполне жизнерадостной и довольной жизнью. Его обычно в первую минуту знакомства интересовало только это. За десять лет службы Ордену выработалась неизменная привычка мгновенно проникать в настроение новых знакомых и считывать их эмоциональное состояние. А при необходимости вклю-

чать «внутреннее зрение» и сканировать их энергетическое поле. И гармоничные, довольные жизнью люди его мало занимали.

– Меня зовут Сибилла, – перестав смеяться, сказала девушка. – Вы так на меня посмотрели! Аж мороз по коже, – тихо добавила она.

– И что? – поскучнел Виктор.

– Мой отец владелец ресторана... здесь, неподалеку. Он тут всех знает... – неуверенно проговорила Сибилла, не сводя взгляда с молодого человека.

Виктор начал водить пальцами по остывающей воде, розовые лепестки зашевелились. Сибилла замолчала. Пауза становилась все неприятнее. Он неторопливо выбрался из ванны и невозмутимо посмотрел на девушку. Его обнаженное тело покрывали капельки воды. На животе алело пятнышко прилипшего лепестка.

– Ой! – вскрикнула Сибилла и жарко покраснела.

Ее взгляд задержался на красном лепестке, скользнул вниз живота. И девушка резко отвернулась.

Виктор взял банное полотенце.

– Принесу вам вина! – вдруг решила она и скрылась за дверью.

Виктор тщательно вытерся, глянул на свое отражение в большом овальном зеркале, висящем над раковиной. Однодневная щетина чернила щеки и подбородок. Но его настроение сейчас было таким, что ему даже нравился образ brutального мачо. Виктор зачесал влажные, слегка выющиеся волосы назад, открыв высокий гладкий лоб. У него были выразительно изогнутые черные брови, на тон темнее волос, и такие же черные ресницы. А вот на радужку глаз словно не хватило пигмента, их прохладно-серый цвет казался странно светлым. И этот резкий контраст делал лицо запоминающимся и интересным.

Виктор накинул махровый халат и вышел на террасу. Тонкий аромат распускающихся роз, увивающих перила и забирающихся все выше почти до крыши, изменил его настроение. Подсвеченные солнцем цветы переливались всеми оттенками розового и алого и обрамляли открывающийся вид. Море синело вдаль за кронами деревьев сада, серебристые искорки пробегали по легким волнам, быстрые чайки кричали над водой, воздух будто сам врывался в легкие и заставлял дышать полной грудью. Виктор замер и какое-то время смотрел в небо, забыв обо всем.

– Так вот вы где!

Звонкий голосок Сибиллы вывел его из медитативного состояния, и он обернулся с раздраженным видом. Но девушка стояла перед ним с подносом в руках, на котором высились открытая бутылка вина, хрустальный бокал, узкая вазочка с одной крупной алой розой. Блюдо с фруктами дополняло картину, и Виктор смягчился.

– Прошу, – мягко сказал Сибилла и поставила поднос на круглый столик, стоящий в углу террасы.

Виктор опустился на диванчик, девушка налила вино, пробормотав, что сама не понимает, зачем она это делает. Она смущалась так мило, румянец заливал ее упругие щечки, и Виктор все с большим интересом поглядывал на нее.

– Составишь мне компанию? – мягко спросил он. – Или, может, моя невежливость коробит и лучше обращаться на «вы»?

– Нет, нет, можно и на «ты», – окончательно смутилась Сибилла.

– Меня зовут Виктор, – представился он.

Она стояла, сжав руки, и явно не знала, на что решиться. Виктор пристально глянул на девушку, затем вынул розу, выплеснул воду и налил вина в вазочку.

– Ой, зачем? – тихо сказала Сибилла.

– Ты любишь ойкавать, – засмеялся он и налил вино в бокал.

– Ойкать? – с недоумением повторила она. – Я знаю русский, но вот не все слова мне понятны.

– Не обращай внимания. Да садись же! – И Виктор потянул ее за руку. – Выпей со мной! Сибилла опустилась рядом и взяла бокал из его рук.

– Вам как-то не пристало пить из вазы, – заметила она, глядя в глаза Виктору.

– Но ты же принесла всего один бокал, – лукаво проговорил он и легко коснулся вазой края ее бокала. – Чин-чин!

Она пригубила вино, не ответив. Виктор, не скрываясь, изучал ее лицо.

– Так что ты здесь делаешь? – после паузы спросил он.

Сибилла сбивчиво начала объяснять, что гости таких вилл часто заказывают еду у ее папы в ресторане, потому что у него лучшая кухня на Лидо, его повара выполняют любое пожелание, и доставка еды мгновенная, но если гости захотят, то могут нанять повара на все время проживания, и папа идет на это и отпускает ценных работников.

– Так ты своего рода менеджер у отца и ищешь клиентов? – рассмеялся Виктор. – Понимаю, понимаю... такой хорошенькой девушке легко договориться.

Сибилла вспыхнула и опустила глаза. Виктор с удовольствием поддался обаянию ее юной женственности. Присутствие добродушной милой симпатизирующей ему девушки помогло почувствовать себя как дома. А именно такое вот спокойное состояние зоны личного комфорта он ценил больше всего, ведь никогда долго не жил на одном месте. К тому же ему сейчас был необходим отдых от повседневных, почти всегда крайне тяжелых в эмоциональном плане обязанностей, и только рядом с гармоничным, довольным жизнью человеком он мог окончательно расслабиться. А он уже точно знал, что Сибилла как раз из разряда таких людей.

– Пьетро... ну охранник на входе... впустил меня, – тихо продолжила она. – Я позвала вас еще у лестницы, но никто не ответил. Тогда я поднялась на второй этаж... Простите мою бесцеремонность! – с чувством добавила она. – До вас эту виллу снимала одна семья из Англии, так они были очень довольны кухней нашего ресторана и постоянно заказывали еду только у нас. А жили они весь апрель! И вот нам сообщили, что виллу с середины мая занимает русский господин.

– И ты сразу примчалась! – весело ответил Виктор. – Не успел я приехать!

– Но ведь вам нужно поужинать! – заметила она уже более уверенно. – Вы же устали с дороги. И разве хочется идти искать ресторан? Вы уже были на Лидо?

– Впервые. У меня двадцатого мая день рождения, решил, что встречу его именно в Венеции.

– Так это уже через три дня! Хотите устроить праздник? – озабоченно поинтересовалась Сибилла. – Приедет много ваших друзей? Нужно заранее продумать меню!

– Нет! Не выношу шумные компании. Я люблю одиночество.

Сибилла внимательно посмотрела на него. Грусть, промелькнувшая на самом дне его глаз, заинтересовала и вызвала жалость к красивому, богатому, но одинокому иностранцу.

– Откуда ты знаешь русский? – спросил Виктор.

– От мамы, – после паузы ответила она. – Папа местный... они познакомились, когда он ездил в Россию. Он хотел открывать сеть итальянских ресторанов, но дела не пошли. У вас там все... нецивилизованно, так папа говорит. Это было в Санкт-Петербурге. Мама училась на кондитера...

– Их интересы совпали, – перебил ее Виктор. – Ресторатор и кондитер – что может быть лучше? Надеюсь, они счастливы в браке, – любезно добавил он.

– Мама умерла пять лет назад, – после паузы тихо ответила девушка и побледнела. – Мне тогда исполнилось тринадцать.

– Сочувствую, – холодно проговорил он.

Но его лицо на миг приняло напряженное выражение, от ленивой вальяжности не осталось и следа.

– Как это случилось? – спросил он.

– Она утонула... – тихо произнесла Сибилла. – Врач сказал, что ногу свело судорогой в воде, доплыть до берега мама не смогла...

– А что ж пляжные спасатели? – уточнил Виктор.

– Не успели ей помочь, она заплыла очень далеко от берега. Мама обожала плавать. И вот такая беда!

– Но, судя по туристическим проспектам, здесь очень мелко. Поэтому сюда любят ездить отдыхать с детьми, пляжи подходящие, – задумчиво проговорил он и пристально посмотрел в глаза девушки, словно хотел проникнуть в ее мысли.

От его взгляда она невольно поежилась и опустила голову. Стало отчего-то неприятно, будто все ее существо просканировала какая-то неведомая ей энергия и высветила самые потаенные уголки ее памяти.

– Здесь курице по колено, – четко произнес Виктор.

– На все воля Божья, – прошептала девушка, быстро перекрестилась и вытерла набежавшие слезы.

– Сочувствую, – более мягко повторил он и налил вина в бокал.

Она выпила и встала. На ее щеки вернулся румянец, глаза снова заискрились жизнью.

– Простите, синьор, что надоедаю вам, – с раскаянием проговорила Сибилла. – Вот визитка моего отца, там и адрес нашего ресторана. Звоните, если надумаете.

Девушка выглядела в этот момент жалко. Виктор понимал, что не оправдал ее ожиданий.

– Вообще-то зря извиняешься, – решил он приободрить ее. – Я же отлично понимаю, что как только ты узнала о приезде «русского господина», то вызвалась навестить меня с одной целью...

Он сделал паузу и глянул на Сибиллу. Она явно не понимала, куда он клонит, и смотрела с простодушным любопытством. Слезы окончательно высохли, она даже начала покусывать нижнюю губу в нетерпении, но нарушить паузу боялась.

– Знаю, знаю, – задорно продолжил он, – тебе не терпелось попрактиковаться в языке. Насколько я понял из твоего рассказа, ты очень трепетно относишься к своим русским корням.

– Я обожала маму, – прошептала она. – А сейчас мне, правда, не с кем практиковаться. Только с туристами, но русских на Лидо немного. Папа, конечно, тоже раньше говорил, но сейчас он начал забывать этот язык... за ненадобностью, – тихо добавила она.

Виктор задумчиво посмотрел на девушку. Ему хотелось прогуляться, да и не мешало где-нибудь перекусить. Но приглашать Сибиллу в его планы не входило. Он приехал сюда, чтобы побыть одному. Перед каждым днем рождения Виктора одолевала депрессия, с которой было трудно справляться, и он предпочитал в это время ни с кем не общаться. А уж этот день рождения был для него своеобразным рубежом. Прошло десять лет с его злополучного семнадцатилетия, и ему нужно было принять важнейшее судьбоносное решение.

– С удовольствием поболтаю с тобой как-нибудь еще... для твоей практики! – широко улыбнулся он. – Я позвоню.

– Arrivederci... ой! До свидания! – пробормотала она, вспыхнула и быстро ушла с террасы.

Следующие три дня новая знакомая так или иначе оказывалась в поле его зрения. Ему уже казалось, что Лидо ди Езоло – маленькое королевство, в котором владычествует одна лишь Сибилла. Когда он отправился поздним вечером в день приезда погулять, то в первом же кафе наткнулся на нее. Если бы девушка была одна, то он мог бы подумать, что это не

случайно и она его просто-напросто выслеживает. Но за столиком Сибилла сидела в компании подруг. Виктор сделал вид, что не замечает ее, и покинул кафе. На другой день он поплавал в холодном пока море, затем прошелся по набережной, мельком изучая всевозможные отели, плотно стоящие на берегу. Было еще только начало сезона, и малолюдные пляжи его порадовали. Он прогулялся по улице, заглянул в магазинчик сувениров. Стройная девушка в коротких синих брючках и свободном белом топе стояла у большого зеркала. Ее лицо было прикрыто золотой маской Коломбины, классического персонажа комедии дель арте. Виктору понравилась ее изящная, но аппетитная фигура, к тому же закрытое наполовину лицо интриговало – он видел только пухлые красные губы. Он взял с полки маску Доктора Чумы с длинным носом-клювом, надел ее и встал позади «Коломбины». Их отражения выглядели эффектно. Улыбка тронула губы незнакомки, она пару секунд смотрела в зеркало, затем повернулась к Виктору и задорно проговорила на русском:

– Маска, а я вас знаю!

Акцент показался ему знакомым, Виктор отпрянул. Девушка сняла маску. Перед ним была Сибилла.

– А я вас нет, – глухо проговорил он, спокойно положил свою маску обратно на витрину и покинул магазин.

Он был в дурном настроении еще с утра, и даже купание не избавило от меланхолии и раздражительности. Виктор боялся, что раздосадованная его невежливостью девушка догонит его, и ускорил шаг. Но за ним никто не шел. Виктор остановил такси и уехал к себе на виллу. И до вечера не выходил из спальни.

Из дневника Виктора:

«Любить нельзя! Это запрещено! Но все еще трудно сопротивляться хорошеньким, лучезарным, манящим своей красотой девушкам. Я живой, я молод, здоров, природа требует свое. И я знаю, как это бывает: сначала „химия“, то есть притяжение чисто на физическом уровне, затем втягиваешься все больше, чужая энергия будто засасывает, ты липнешь к противоположному полу, а потом буквально залипаешь... Узнаешь душу, очаровываешься внутренним миром чистой жизнерадостной девушки. И вот она, любовь! Тут как тут! Мне нужно быть осторожным и не позволять природе брать вверх. Я пока не вышел из Ордена, и мне запрещено любить! Это ослабляет».

Утром в его день рождения был доставлен изысканный фруктовый десерт с милой поздравительной открыткой от Сибиллы и ее отца. Виктор проснулся в приподнятом настроении и решил «сократить дистанцию». Он нашел карточку, набрал номер и поблагодарил обрадованную девушку. Она тут же предложила отметить его день рождения в их семейном ресторане, пообещала, что блюда будут готовить лучшие повара, но Виктор после краткого раздумья отказался. Правда, попросил привезти ему ужин на виллу. Он не сомневался, что Сибилла сама вызовется быть курьером. Но вечером приехал какой-то паренек, он молча и ловко накрыл на стол, получил по счету. Щедрое чаевые вызвали широкую улыбку, паренек горячо поблагодарил «синьора». И тут же удалился. Виктор был доволен своим одиночеством, но то, что Сибилла поступила не так, как он рассчитывал, слегка его раздорило. Он изучил немало женских типов, отлично понимал, что она, как прирожденная кокетка, решила поиграть с ним по всем правилам. И это его против воли начало заводить. Виктор знал, что все его увлечения должны заканчиваться только сексом на один-два раза, и обычно прекращал знакомство, если чувствовал, что девушка может зацепить его.

Чего хотела Сибилла? Виктору и спрашивать не нужно было, он знал наверняка, что привлекает ее как потенциальный жених. Увы, на него только так и смотрели все без исключения женщины, и пока ничего другого он не чувствовал с их стороны. Молодой, красивый, свободный, богатый, закрытый и от этого загадочный – это была беспроегривая комбинация для привлечения особей противоположного пола. Но главное – его ощущение внутренней свободы. Виктор давно понял, что это притягивает любого человека сильнее всего. Мы любим свободных. Независимость манит и рождает лишь одно желание – завоевать! А затем подчинить себе, овладеть, опутать и забрать в вечный плен. И он всегда четко расставлял акценты и сразу определял, кто и на что может рассчитывать.

Виктор поужинал в одиночестве, посидел в кабинете, сделав пару записей в своем дневнике, пригубил бархатистой коллекционной марсалы. И позвонил Сибилле. Она ответила сразу, голос был взволнованным.

– Если желаешь, то можешь лично поздравить меня с днем рождения, – мягко проговорил он.

– Мечтаю об этом! – пылко ответила Сибилла. – Жди!

Виктор вышел из кабинета, оставив тетрадь раскрытой на столе. Он хотел, чтобы Сибилла прочитала последнюю запись. Это сразу бы все расставило по местам и дало понять девушке, что она не должна ни на что рассчитывать.

Сибилла пришла очень быстро. Он слышал, как она зовет его с первого этажа, но не откликнулся. Был уверен, что она поднимется. Так и произошло. Сибилла подошла к раскрытой двери кабинета и заглянула внутрь.

– Ты здесь? – спросила она.

Виктор стоял в арке, отделяющей холл второго этажа от коридора, за задернутой портьерой. И в щель наблюдал за девушкой. Сибилла вошла в кабинет. Он был босиком, в накинутом на голое тело халате. Мягко ступая, приблизился к двери. Девушка находилась уже возле стола, она чуть наклонилась и явно читала раскрытую тетрадь. Виктор откашлялся. Она резко обернулась, ее щеки пылали, глаза были влажными. Его носовой платок, который он нарочито небрежно бросил на стол, был зажат в ее пальцах, покрасневших от напряжения.

– Ты... Вы..., – запинаясь, начала Сибилла, но не выдержала и всхлипнула.

Виктор наблюдал. Она прижала платок к глазам. Он, ступая мягко, по-кошачьи, двинулся к дивану и уселся на него, закинув ногу на ногу. Нашупал одно из яблок, которые сам бросил на диван, и начал крутить его в руках. Аромат яблочной кожуры резко усилился. Сибилла наконец успокоилась. Она бросила на стол скомканный платочек и выпрямилась. Ее четкие брови хмурились, придавая лицу суровое выражение, хотя заплаканные глаза выглядели страдальческими. Но Виктор продолжал молчать. Ему доставляло удовольствие наблюдать за изменениями настроения девушки. На что же она решится? На ее месте он бы ушел. Но ведь он был мужчина, а вот женские поступки часто ставили его в тупик полным отсутствием хотя бы какой-то логики. И это вызывало любопытство. Но Сибилла превзошла все его ожидания. Она резко развернулась в сторону дивана и четко проговорила:

– *Ti amo!* – Ее лицо вспыхнуло. – Я люблю тебя! И это не игра!

Виктор замер, внимательно в нее всматриваясь. Но она выглядела непритворно взволнованной и беззащитно искренней. Виктор улыбнулся, встал и подошел к девушке. Он надкусил яблоко и протянул ей. Сибилла вскинула на него удивленные глаза, но яблоко взяла.

– Это означает *si*?

Видимо, от сильного волнения она продолжала смешивать русские и итальянские слова.

– Я тебя хочу, – тихо ответил Виктор и глубоко заглянул ей в глаза.

– Ты сводишь меня с ума, – прошептала она, чуть приподняв подбородок.

– Я тебя хочу и не более того, – четко произнес он. – Но не люблю и никогда не смогу полюбить!

– Наплевать! – ответила она.

Виктор обхватил ее за талию и крепко прижал. Яблоко со стуком покатилося по полу. Лицо Сибиллы побледнело, губы приоткрылись. Она ждала поцелуя. Виктор не спешил, он любовался ее длинными ресницами, бросающими легкие трепещущие тени, ее изящным тонким носом, словно вылепленным великим Фидием, алыми, как спелая малина, губами, легким пушком на щеках, завитками растрепавшихся волос. Пожар желания внутри него разгорался, но постоянный внутренний наблюдатель, которого Виктор тщательно культивировал вот уже десять лет, не давал бездумно отдаться страсти.

Прежде чем переходить к интимной фазе отношений, Виктор все тщательно анализировал и взвешивал. Слишком дорого ему обходились необдуманные поступки, и он научился не идти слепо на поводу желаний. Любовь оставалась для него под запретом. Секс? Да, он любил секс. К тому же он заменял ему эмоциональную потребность в любви. Но ведь его можно было просто купить, чтобы снять физическое напряжение. Сибилла ему нравилась, как нравится полураспустившийся прекрасный бутон розы, но и только. Она, несомненно, была достойной девушкой и могла составить счастье любого мужчины, но разве Виктор хотел чего-то серьезного? Конечно, нет. А вот она хотела.

Глубокий вздох, ее пристальный взгляд – и Виктор вышел из оцепенения. Ее глаза! Блестящие, сочного коричневого цвета, чуть полуприкрытые опускающимися ресницами – они были прекрасны, словно творение итальянского художника.

«А ведь я мог бы каждый день любоваться этим шедевром природы!» – подумал Виктор и наклонился.

Сибилла обхватила его шею и первой прижалась к губам. Он ответил нехотя. Внутренний наблюдатель не давал ему отдаться влечению.

– Ты любишь меня? Любишь? – восторженно зашептала Сибилла и начала покрывать мелкими поцелуями его лицо. – Но зачем же ты солгал, что нет?! Ты был не уверен во мне? Но я полюбила тебя с самого первого взгляда, как только увидела!

– Полюбила... – сказал Виктор и отстранился. – Но ведь ты ничего обо мне не знаешь! Если ты и вправду любишь, то лишь свое представление обо мне, выдуманный тобой образ!

Сибилла глянула на него с обидой. Как он может сомневаться? Она вся перед ним с чистой душой и открытым сердцем, которое сгорает от любви. Неужели он не видит? Слезы брызнули и побежали по ее пылающим щекам. Она села на диван и вскрикнула, ощутив между ног твердый круглый предмет. Вынув из-под платья яблоко, с досадой швырнула его на пол. Виктор весело рассмеялся, но она надулась и отвернулась.

– Какие же вы, девушки, бываете глупые! – сказал он и сел рядом. – Хочу уберечь тебя от разочарований, а ты обижаешься!

Он коснулся пальцами ее подбородка и развернул девушку к себе лицом. Слезинки, блестевшие на ее опущенных ресницах, выглядели прозрачным бисером, припухшие губы чуть приоткрылись, и Виктор нежно коснулся их губами.

– Ты прелестное создание, – тихо проговорил он, – и если бы я мог любить, то остановил бы свой выбор на тебе.

Сибилла подняла голову, ее глаза раскрылись, в них читалось удивление.

– Так все же не можешь? – уточнила она. – Но я плохо тебя понимаю. Что ты имеешь в виду? С тобой что-то не так? Это нездоровье, да? Но...

Девушка опустила взгляд, ее лицо запылало. Легкий шелк халата позволял видеть, насколько ее собеседник возбужден. Сибилла замерла. Виктор и не подумал что-то предпринять. Он испытывал физическое неудобство от прилива крови, напряжение требовало раз-

рядки, но он не собирался воспользоваться для этого ситуацией, хотя отлично понимал, что девушка готова на все.

– Ты меня обманываешь! – возмутилась Сибилла. – Я вижу, что ты здоров и можешь любить! Хотя ты только что утверждал обратное!

– Любовь и секс для тебя одно? – усмехнувшись, спросил он.

– Я что-то не то говорю? *Madre di Dio!* Он меня не понимает!

Сибилла закрыла лицо руками. Виктора начал напрягать этот разговор. Он уже жалел, что оставил тетрадь с провокационной записью открытой на столе и этим вызвал Сибиллу на откровенное признание. Он хотел охладить ее, а вышло наоборот. Столько лет изучая человеческую природу, он снова попал в ловушку непредсказуемой женской логики.

– Или понимает, но делает вид, – пробормотала Сибилла и отодвинулась, обиженно надув губы.

Виктор поморщился. Возбуждение от ее красоты и бьющей через край сексуальной юной энергии начало спадать, вызывая неприятную реакцию охлаждения без удовлетворения. Он резко встал, запахнул халат и покинул кабинет.

Девушка осталась сидеть на диване, ее лицо выглядело огорченным. Она совершенно не понимала поведения Виктора, но его загадочные и казавшиеся ей нелогичными действия только сильнее притягивали. Сибиллу переполняли эмоции, она трепетала от желания «дойти до конца», боялась интимной близости – ведь в свои восемнадцать оставалась девственной, – таяла от нежности и восторга. То, что Виктор ушел, не смутило. Она решила, что он большой оригинал, имеет право на прихоти, поэтому ведет себя неординарно. Ей оставалось лишь ждать.

Виктор появился минут через пятнадцать, он был одет для выхода.

– Мы отправляемся на прогулку? – уточнила девушка.

– А ты что-то имеешь против? – удивился он.

– Сегодня твой день рождения, – ласково ответила она, – поэтому подчиняюсь твоим желаниям.

– Тогда прокатимся в Венецию? – предложил он.

Сибилла молча кивнула и улыбнулась.

Они доехали до города на вапоретто, затем Виктор нанял гондолу. Они плыли по Гранд-каналу, Сибилла болтала без умолку, рассказывая о знаменитых зданиях города, мимо которых они следовали. Виктора впечатлила элегантность венецианской готики. Он даже начал фотографировать палаццо Санта-София, но на предложение гондольера посетить размещенную там художественную галерею Франкетти ответил отказом. Они прокатились по каналу святого Марка, остановились возле знаменитого Дворца дождей. Виктор и там сделал несколько фотографий, так его поразило грандиозное сооружение. Затем они высадились на площади Сан-Марко, перекусили в ресторане и пошли по набережной.

Виктор заметил две довольно высокие старинные на вид колонны. На одной была статуя крылатого льва, на другой – человека. Он машинально двинулся к ним. Подняв голову, посмотрел на льва, затем пошел между колоннами, глядя на статую человека. Но Сибилла отчего-то не последовала за ним.

– *Signore! No... no...* – раздался голос, и Виктор резко обернулся.

К нему приблизился пожилой мужчина, одетый как обычный горожанин среднего класса.

Виктор уже достал портмоне, но незнакомец не выглядел как попрошайка, и он медлил давать ему мелочь. Мужчина остановился напротив него и сбивчиво начал рассказывать, что нельзя проходить между этими колоннами, это очень плохая примета, «молодого человека» может ожидать какая-то трагедия и лучше ему вернуться обратно и обойти колонны. Виктор усмехнулся и поднял голову. Он спросил, не из-за крылатого ли льва такие суеверия.

Незнакомец ответил, что это лев святого Марка, а на второй колонне статуя святого Теодора, одного из покровителей Венеции. Но несмотря на это, «место плохое, здесь в давние времена публично казнили людей и энергия колонн по сей день несет смерть, нельзя проходить между ними, чтобы не цеплять даже грамм такой ужасной энергии». Виктор слушал молча, затем поблагодарил незнакомца за интересный рассказ и открыл портмоне. Но его собеседник явно обиделся, сказал, что не хотел бы, чтобы «такой прекрасный молодой человек и его прелестная синьорина» пострадали от своего незнания и навлекли несчастья на себя, и что никто из местных не ходит между колоннами. Затем он пожелал приятного путешествия и удалился. Виктор пожал плечами и убрал портмоне.

Он посмотрел на Сибиллу, она замерла в нескольких шагах от него и не сводила глаз с колонн. Виктор усмехнулся и двинулся вперед. Меньше всего его могли напугать такие суеверия. Он спокойно прошел между колоннами и оглянулся на испуганный возглас девушки. Пространство между ними странно изменилось, словно колонны опутали мутноватые туманные нити. Виктор замер, вглядываясь. Людей на набережной было немало, но они словно отодвинулись от колонн, обходя их стороной. Туманная завеса между ним и девушкой все сгущалась. И вот женщина с распущенными влажными волосами вынырнула из нее, ее голубоватое лицо с запавшими закрытыми глазами, застывшие черты, полупрозрачный силуэт не вызывали у Виктора сомнений: он видел аморфа. Женщина приблизилась к нему, ее глаза резко распахнулись. Отсутствие зрачков в их мутной серости только подтвердило его догадку – самоубийца.

– Уже ничем не могу помочь, – мягко проговорил Виктор. – Раньше думать надо было!

– Я не могла думать, я любила! – прошелестел аморф.

– Болтайся между верхним миром и нижним, пока срок не придет, – сказал он. – Таков удел всех самоубийц, ты же знаешь. Во сколько ты ушла?

– Я утопилась... в тридцать, – ответила женщина.

– А должна была умереть естественно? – быстро уточнил Виктор, глядя сквозь ее туманное тело на замершую в нескольких метрах от колонн Сибиллу.

Ее лицо выглядело встревоженным, но она не двигалась с места.

– В восемьдесят четыре, – сообщило существо.

– Значит, в виде аморфа общий срок... пятьдесят четыре года, – мягко произнес он. – Ничем помочь не могу! Исчезай и не тревожь меня!

– Мне худо! Как мне худо, – с мукой проговорил аморф, – они высасывают из меня всю энергию... Они вызывают во мне страхи, мое полутело может испытывать боль, но и это им в пищу. Разве я могла знать!

– Надо было жить, несмотря ни на что, – сухо ответил он. – И говорю же, ты не по адресу!

– Моя дочь! Спаси ее! – зашелестел аморф. – Сибилла! Она влюблена в тебя, я вижу это по ее глазам. Но разве ты тот, за кого себя выдаешь? Избавь ее от мучений, избавь от той участи, что ей уготована. Сейчас я знаю, что предрасположенность к суициду переходит по крови.

– Спасибо, что предупредила! – серьезно ответил Виктор. – Не волнуйся, я сделаю все. Этим я пока и живу.

Женщина глянула в его глаза, серая мутная радужка без признаков зрачков выглядела жутко, но Виктор уже привык к глазам аморфов.

– Верю, – прошелестела она. – И ухажу... И моя мучительница уже здесь!

Призрак исчез, туманная пелена, обвивающая колонны, медленно растаяла. Виктор увидел Сибиллу, она по-прежнему стояла неподвижно, словно не решаясь пройти к нему через пространство между колоннами. Он махнул ей рукой и улыбнулся. Она помахала в ответ, жестом подзывая его к себе.

Виктор сделал шаг, но перед ним появилась девушка.

– Моника, дьявол тебя поberi! – быстро сказал он, останавливаясь. – Так это ты пасешь утопленницу?

Девушка откинула с плеч длинные черные пряди и с вызовом посмотрела на него. Мутные желтые глаза выглядели неприятно, даже несмотря на обильный макияж.

– Привет, милый! – кокетливо проговорила она. – Ты тут какими судьбами? У тебя же вроде день рождения! Я-то помню! Законный отдых от всех дел. А хорошо мы тогда... десять лет уже прошло... Ты был такой застенчивый, но от этого еще более сладкий...

И она хрипло рассмеялась.

– Пропади ты пропадом! – с чувством произнес Виктор. – Незачем мне постоянно об этом напоминать!

– Чего от тебя хотела Маша? – другим тоном спросила она и пристально посмотрела в глаза Виктора. – Она так рванула от меня, не удержать!

– Есть какая-то отвратительная циничность в том, что вы оставляете имена аморфам. Наверняка это им причиняет особую боль, – тихо сказал он.

– На то они и нужны! – холодно ответила Моника. – Это всего лишь источник энергии, наша пища и ничего более. А боль – это приятный десерт, острый, но сладкий. И не забывай, они сами выбрали свой путь. Как и ты когда-то!

– Ага, с помощью прилипалы в твоём лице! – зло проговорил он.

– Милый, ты все еще в обиде? – нежно спросила Моника. – Но такова моя работа, ты же знаешь. И забавно наблюдать, как здоровый молодой парень ноет из-за какой-то хорошенькой дурочки, пускает слезы и сопلي... «Ах, моя жизнь кончена! Она меня не любит!» – передразнила Моника и расхохоталась. – А потом с моста в воду... Но ты попал в клан ловцов. А ведь сегодня десять лет... Срок первого договора закончен. Что будешь делать дальше? Вернешься к обычной человеческой жизни?

– Какая ты любопытная! – сухо ответил Виктор. – Я пока сам не решил.

– Значит, затянуло... – пробормотала Моника. – А как же вон та миленькая девчушка, которая ждет тебя по ту сторону зоны? У нее вкуснейшая энергия, я уже на слюну изошла.

Виктор пристально глянул в желтые глаза собеседницы. Ситуация заставляла задуматься. Он знал, что прилипалы не привязываются к человеку, если он от рождения не склонен к суициду. Генетически заложенная тяга к самоубийству – это их привлекало сильнее всего. И если вовремя подтолкнуть, направить такого человека, то они получали свое в виде аморфа, который болтался между мирами до тех пор, пока не придет означенный для него в высших сферах срок естественной кончины. Незащищенные телесной оболочкой, лишённые обычной жизни смертных, но еще не ушедшие в иное измерение призраки-аморфы были питательной средой для прилипал. И они мучили своих подопечных изошрённо, чтобы получить энергию боли, отчаяния, страха, ужаса, тоски, горя, страдания – весь спектр темной стороны эго. Но как только наступал определенный им при рождении срок естественной смерти, аморфы переходили в «другое ведомство», и прилипалы лишались пищи. Поэтому они всегда и везде искали души с червоточиной суицида, пасли этих людей и всячески подталкивали к совершению самоубийства. Секс оставался одним из сильнейших факторов воздействия, поэтому все прилипалы обладали притягательным сексуальным очарованием.

– Не понимаю, отчего ты раздумываешь, – продолжила Моника, не дождавшись ответа. – Ты исправно ловил потенциальных самоубийц, думаю, что у тебя талант к этому делу! Реально о тебе ходит слава, как об одном из лучших в Ордене ловцов. Знаю, что у нас жалеют о договоре не уничтожать друг друга. Многие из прилипал были бы рады убить тебя. Столько прекрасных аморфов уплыло из наших рук благодаря тебе. Как ты это делаешь? – с любопытством спросила она. – Есть какие-то тайные техники убеждения суицидников? Ведь они с рождения без конца борются с желанием покончить с собой. И никакие

страшилки в виде текстов Священного Писания им не помогают. А уж лечение в клиниках неврозов вызывает только смех. Ген суицида передается по наследству. С такими людьми нам проще всего работать, а вот ловцам наверняка приходится сталкиваться с непреодолимыми препятствиями.

– Что-то ты сегодня чрезмерно болтлива! – хмуро заметил Виктор.

– Я хоть и не человек по сути своей, но до ужаса сентиментальна, как любая девочка, – ответила Моника и улыбнулась. – Увидела тебя, нахлынули воспоминания... Все же именно я лишила тебя невинности!

– Да пошла ты! – грубо ответил Виктор и быстро покинул пространство между колоннами.

Он знал, что время реальности и иного пространства не совпадают. И сколько бы он ни пробыл в зоне, для Сибиллы, остающейся в земном измерении, это не имело значения. Для нее прошла пара минут.

– Зачем ты пересек промежуток между этими колоннами? – с легким укором сказала она, когда Виктор приблизился. – Нехорошее это место!

– Все итальянцы чрезмерно суеверны, – с улыбкой ответил он.

– Но я наполовину русская! – задорно ответила Сибилла и начала улыбаться в ответ.

– Я помню. А как звали твою маму? – ничего не выражающим тоном задал он вопрос.

– Мария, – тихо ответила девушка и взяла его под руку. – Почему ты спросил?

– Так просто... Расскажешь как-нибудь о ней, – сказал Виктор.

– Хорошо, – прошептала она и прижалась к его плечу.

Вернулся Виктор на виллу за полночь. Он проводил Сибиллу до ее дома и категорически отказался «продолжить праздник в интимной обстановке». Девушка надула губы, она явно ожидала, что сегодня Виктор решится на что-то более конкретное, и была готова к этому. Но он легко коснулся губами ее щеки и сказал, что благодарен за приятно проведенный вечер.

Глава вторая

На вилле было тихо, и это его порадовало. Он поднялся в кабинет, достал из ящика стола толстую тетрадь дневника. Ему захотелось перечитать одну из записей. Встреча с Моникой вызвала воспоминания, он невольно нырнул в прошлое. Но правилами Ордена было запрещено возвращаться в «болевы́е точки». Ловцы обладали аномальными для обычного человека способностями, они были сверхчувствительны и не всегда могли справиться с эмоциями. Но развивать мазохистские наклонности было опасно, поэтому погружаться в прошлое не стоило. Каждый ловец и так был настроен на чужую боль, словно радар. Он считывал с потенциального клиента депрессивные настроения, мог восстановить картину событий, приведших несчастного на край. Такие способности давались при вступлении в Орден, но каждый ловец был индивидуален, кто-то так и оставался на низшем уровне, а кто-то развивал в себе непостижимые умения. Именно эти ловцы ценились выше других, и с ними старались продлить контракт на максимальный срок. Виктор относился к этой категории. Но сегодня его первый договор заканчивался, и ему нужно было до рассвета принять решение, остается ли он в Ордене или выходит из него навсегда. Видимо, поэтому он захотел нарушить правило «невозврата в боль» и открыл старую тетрадь своего дневника. Страницы были пустыми, слегка пожелтевшими. Виктор провел ладонью над разворотом, и начали проступать буквы.

Из дневника Виктора:

«Я вернулся домой... Как странно! А ведь был уверен, что прыгну с моста, захлебнусь, и все закончится! Но я снова в своей комнате и на все смотрю другими глазами. Моя жизнь раскололась на две части: до и после. И разве это я? Разве я остался все тем же юным, закомплексованным, безнадежно влюбленным, дошедшим до отчаяния и какого-то затмения?

Нет! Я – другой! Реального времени прошло всего каких-то пару часов, но то, что со мной произошло, не укладывается в вечность. Мне страшно, но в то же время какая-то пробуждающаяся сила дурманит разум, кружит голову, заставляет быстрее биться сердце. Мне хочется по привычке все записать. И ведение дневника, как сказал Идрис, только приветствуется. Ловцы – сгусток эмоций, и необходимо давать им выход. Дневник – один из способов. И одно из моих новых умений – скрывать текст. Для посторонних людей тетрадь будет выглядеть пустой.

Идрис... я им восхищаюсь. Он мой высший руководитель. Орден построен по принципу пятерок. Над пятью ловцами есть высший, над пятью высшими есть свой руководитель и так далее. Я вошел в пятерку Идриса. Он сегодня принял меня в Орден... Странно, нет никаких испытательных сроков, ловец мгновенно получает особые сакральные знания и способности. Но мы обязуемся во всем подчиняться высшему своей пятерки. Он же и наказывает, если мы нарушаем правила.

Вернувшись домой, я отчего-то первым делом зашел в Сеть, чтобы найти инфу об Ордене ловцов. На что я надеялся? Конечно, никакой инфы нет и быть не может. Зато посмотрел значение имени моего высшего.

„Имя Идрис означает потребность доминировать. Всегда и везде. И вне зависимости от того, насколько оправдано такое стремление в конкретных

обстоятельствах. Конфликт с тем, кто заведомо сильнее, – не пугает, а скорее наоборот – раззадоривает“.

Да, это о нем! Он такой!»

Виктор закрыл глаза и положил ладонь на страницу. Ему предстояло сегодня ночью встретиться с Советом высших и сообщить о своем решении. Десятилетний срок договора подошел к концу. Если он останется в Ордене, то перейдет на новую ступень: возможно, ему дадут свою пятерку.

Виктор начал погружаться в глубины сознания.

«Нет! Что я делаю? – запоздало подумал он. – Порция боли мне не нужна! Ее и так слишком много в мире суицидников!»

Но остановиться он не мог и нырнул в прошлое.

...Мост выглядел зловещим из-за густого тумана, поднимающегося от воды. Недавно прошел дождь, старые плиты блестели, потертые металлические перила, покрытые каплями влаги, казались черными округлыми поручнями, очерчивающими путь в смерть. Виктор ступил на мост и замер. Голова кружилась, низ живота тянуло, и это вызывало тошноту. Но этот телесный бунт только усиливал желание покончить со всем и разом. Виктора одолело омерзение, он вдруг вспомнил друга матери, неизвестного ему Николая Орестовича, и четко представил, что между ними происходит. Только что полученный опыт с Моникой не оставлял никаких иллюзий на этот счет. Его чуть не вырвало, Виктор перегнулся через перила, глядя на черную воду. Жизнь представлялась ему чередой таких вот омерзительных открытий, он понял, что все его романтические представления о любви всего лишь фантазии незрелого неопытного ума. Черная колышущаяся поверхность воды притягивала, он закрыл глаза и представил, как прыгает с моста, погружается в холод и мрак, и все заканчивается. Есть ли жизнь после смерти? У него был ответ на этот вечный вопрос. Виктор всегда был уверен, что это всего лишь сказки для утешения людей. И после смерти ничего нет.

«Лиза не любит меня и никогда не полюбит, – тяжело перекатывались мысли и давили на виски, словно жернова. – А если вдруг и станет ко мне благосклонной, то последует продолжение – секс. Но это отвратительно! Я возненавижу ее, я в этом уверен! Найти другую? Быть к ней равнодушным, просто физически удовлетворять потребности, обманывать ее, говоря о нежных чувствах? Но это еще более подло и противно. Что же такое жизнь? Ведь род человеческий продолжается, а значит, все вот так сношаются, повинуюсь инстинктам, а любовь – это всего лишь вымысел, чтобы прикрыть, оправдать плотские отношения. Не хочу!»

Виктор сжал виски пальцами и тихо застонал. Он был почти готов сделать последний шаг, но что-то удерживало. И это была банальная трусость.

– Милый, – раздался нежный голосок.

Виктор вздрогнул и резко повернулся. Возле него стояла Моника. Но он не слышал стука каблуков, хотя девушка была все в тех же «стриптизерских» туфельках на очень высокой шпильке.

– Милый, – тихо повторила она и коснулась его щеки ледяными пальцами.

Ее смуглое лицо в тумане выглядело бледным, и от этого приобрело какой-то зеленоватый цвет. Черные волосы обрамляли его и усугубляли странный оттенок кожи. Зато желтоватые глаза сияли будто янтари, от их мутности не осталось и следа. Виктор вгляделся в их глубину, прозрачные слезы увлажнили глазные яблоки, и от этого они выглядели блестящими.

– Ты плачешь? – растерянно спросил Виктор. – Но как ты тут оказалась? Ты следила за мной?

– Нет, что ты! – проникновенным голосом ответила Моника. – Это совпадение. Я только что пришла на этот мост... с одной целью...

Она всхлипнула и закрыла лицо руками. Виктор не шевелился. Он ждал, что она скажет. Все происходящее казалось ему странным и пугающим. И это будто отрезвило, боль уходила, неожиданное и необъяснимое появление девушки ночью на мосту вызвало интуитивную настороженность и недоверие. Что-то тут было не так. Хотя он понимал: простое совпадение вполне возможно.

Моника, поплавав пару минут, глубоко вздохнула и убрала руки от лица. Ее глаза подсвечивались изнутри золотисто-медовым сиянием, они манили и словно гипнотизировали.

– Так что за цель? – против воли спросил Виктор.

Ему уже хотелось развернуться и уйти прочь с моста. Но девушка странно притягивала, и он колебался. Моника обняла его и прижалась всем телом.

– Я хочу покончить со всем этим разом, – тихо проговорила она. – Ты даже не представляешь, как мне тяжело живется!

– Понимаю, – растерянно ответил он и обнял ее за плечи.

– Думаю, не до конца, – продолжила она глухим голосом. – Где тебе! Ты ведь парень! А я... а я... подстилка! Я сама себе противна! Не могу больше этим заниматься!

– Так уходи... из профессии! – резко произнес он и отстранился от Моника.

Ее глаза странно полыхнули резким неживым светом, словно ночные отражатели, на которые попали лучи фар. Виктор отшатнулся, но девушка уже выглядела как обычно, и он подумал, что ему показалось.

– У меня никого нет, – жалобным голоском продолжила она и опустила длинные искусственные ресницы. – Я сама вынуждена зарабатывать на жизнь. Но я такая неумеха, к тому же глупая... даже девять классов не закончила, что уж говорить о каком-либо образовании! Но такая я уродилась.

Моника снова всхлипнула, ее губы припухли, сверкающая слезинка покатилась по левой щеке. Сейчас она выглядела, как обиженный ангел, и жалость захлестнула парня. Сердце сжалось, он сам уже чуть не плакал.

– Нельзя отчаиваться, – тихо и мрачно проговорил Виктор.

– Жизнь – полное дерьмо, – в тон ему ответила она.

Новый приступ давящей безысходности накатил на него, будто он напился от девушки какой-то черной мертвящей энергии.

– Полное дерьмо, – как эхо повторил он и шагнул к перилам.

Моника встала рядом, плечом касаясь его плеча. Они опустили головы, глядя на шевелящуюся темную воду.

– Давай прыгнем вместе? – после паузы предложила девушка. – Тогда не будет так страшно.

– Да, я за этим сюда и пришел, – прошептал он и начал забираться на перила.

Жар разлился в висках, но в груди так похолодело, что перехватило дыхание. Отчаяние утихло, но появилась смертельная тоска, идущая из самых потаенных глубин подсознания. Она принесла новую боль, так плохо ему еще не было...

Виктор втянул носом воздух и открыл глаза. Его ладони, лежащие на раскрытых страницах, похолодели. Он скользнул затуманенным взглядом по столу. В вазе поникла увядающая роза бледно-желтого цвета. Он тряхнул головой и отвернулся. И тут же громко выругался. На диване в томной позе сидела Моника и улыбалась. Рядом томился аморф, словно прикованный к хозяйке невидимой цепью.

– Ай-яй-яй, – укоризненно проговорила девушка и погрозила пальцем Виктору. – Я все видела. А ведь ловцам запрещено возвращаться в свое прошлое! Да на тебе лица нет!

Любите вы, люди, себя мучить! Получил порцию боли, дурачок? И зачем? В чем глубокий смысл этого действия? Я вот никогда не возвращаюсь в прошлое! Оно мне надо?

– Так тебе уже не одна сотня лет, насколько я понимаю, – раздраженно бросил Виктор и протер глаза.

Он окончательно пришел в себя и грозно посмотрел на аморфа. Тот прикрыл белесые до полупрозрачности глаза без зрачков и сжался.

– Этого уроды ты зачем притащила? – спросил Виктор.

– Хотела сделать тебе сюрприз на день рождения, – весело сообщила Моника и прижалась к аморфу.

Тот затрясся всем своим зыбким телом.

– Он все еще жутко тебя боится, – с удовлетворением констатировала девушка. – И его страх послаще любого пирожного. Считай, я получаю отличный десерт. Все же именинник должен угощать!

– Угостилась? – сухо поинтересовался Виктор и встал.

Моника расхохоталась и оттолкнула от себя аморфа. Тот быстро, насколько позволяло его казавшееся невесомым тело, опустился на колени и пополз к Виктору.

– Простите меня, простите меня, – жалобно причитал он. – Я больше не могу так... я измучен до предела... я ежесекундно в аду...

– Ад еще впереди! – отчеканил Виктор. – Когда он должен был уйти естественной смертью? – спросил он у Моника.

– В восемьдесят три, – сообщила она и злорадно хохотнула. – И земных лет ему еще...

Она замолчала, что-то прикидывая про себя, потом наморщилась и кокетливо глянула на Виктора.

– Умом ты не блещешь, – ехидно заметил он. – Даже простой математический расчет произвести сложно, как я погляжу. Во сколько ты, болван, повесился? – обратился он к аморфу.

– Через год после смерти Людмилочки, – прошептал тот и тут же поправился: – То есть вашей матушки, уважаемый Виктор. Было мне сорок шесть.

– Семь лет он мой, – встряла Моника.

– Быстро же ты его тогда склонила, – рассмеялся Виктор.

– По твоей просьбе, милый, – нежно прошептала она. – И это оказалось совсем просто. Идиот легко поверил, что роскошная богатая сиротка, какой я ему представилась при якобы случайном знакомстве, вдруг без ума в него влюбилась. Такое вот самомнение у некоторых неудачников. Считай, перевернула все его убогое мировоззрение, и довести дело до конца была пара пустяков. Таким самовлюбленным недалеким ничтожеством легко манипулировать!

– Да, я был идиотом, – прошелестел аморф.

– И тебе еще тридцать лет служить кормом прилипал, – удовлетворенно сказал Виктор. – Это лучшая месть таким скотам!

Он неожиданно пнул склонившегося перед ним аморфа, бывшего когда-то Николаем Орестовичем. Но тот не шелохнулся.

– Ты же знаешь, что он не ощущает физического воздействия, – удивленно заметила Моника.

– Это я так, злоба одолела, – мрачно ответил Виктор и вернулся к столу.

– Простите, простите, – тонко завыл Николай. – Я уже искупил...

– Искупил?! – заорал Виктор. – Да разве такое можно искупить? Ты втерся в доверие к моей матери, прикинулся, что любишь, а потом начал методично избивать ее, пить, таскать девок прямо в ее новый дом, который я ей купил... Ей, понимаешь?! А не тебе, урод! Ты

заставлял ее все это молча сносить. Она была слабым человеком, нежным, любящим, терпеливым... И кто ты после этого? Тварь, которую нужно было сразу раздавить!

– Я не хотел, я не хотел, – заплакал аморф. – Бес попутал...

– Не надо все на бесов валить! – почти рычал Виктор. – За все приходится держать ответ! Это ты убил ее! Хотя для всех моя мама типа случайно упала со стула, когда стирала пыль со шкафа. И так вот она странно упала, что переломила шею. И ты вышел сухим из воды, да еще и слезы и слюни пускал на дознании. Думаешь, я хоть что-то забыл? Думаешь, ты сейчас в аду, находясь во власти Моники? Нет, тебя ждет настоящий ад, когда придет срок естественного ухода, ты попадешь именно туда.

– А ты что ж, не попадешь? – вдруг разозлился аморф и даже поднялся с колен. – Ты кем стал, милый мой пасынок Витюшка? А?! Ты заключил сделку с дьяволом, так вот я думаю. Иначе откуда все это? Откуда твое неслыханное богатство? Купить матери роскошный особняк! Я еще тогда подумал, что дело нечисто. Но решил, что ты связался с криминалом.

– Лучше бы ты и оставался в этом заблуждении, – ответил Виктор. – Тогда бы боялся!

– Отчего ты стал таким? – тише продолжил аморф. – Якшаешься с этими страшными существами? Уж они-то точно не ангелы!

И он указал зыбкой рукой на Монику. Она скривила губы и пожала плечами. Но ее обычно мутные глаза блестели. Видно было, что она наслаждается всем происходящим и подпитывается.

– И ты, именно ты подослал ее! – нервно продолжил Николай. – Я в аду... в аду!

Он повернул лицо к Моники, его зыбкие черты проступили ярче, выражение было испуганным.

– Сладкий мой! – весело сказала она и смачно облизнулась, словно кошка, увидевшая большую миску жирных сливок.

– Отпустите! – жалобно произнес аморф.

– Закон таков, что ты до срока своей естественной смерти будешь в руках Моники, – с усмешкой ответил Виктор. – А законы нарушать нельзя!

– Да? – снова возмутился Николай. – А ты-то сам разве не нарушил? Ты должен уберегать людей от самоубийства, а не подталкивать к нему. Странно, что твое начальство тебя не покарало!

– Кто бы тут вякал! – расхохотался Виктор и снова пнул аморфа.

– Не больно ему! – напомнила она. – И сдерживай эмоции! А то знаю я вас, ловцов, чем дольше служите Орденом, тем все более нервными становитесь. Я сейчас сама им займусь, есть методы, чтобы вызвать у него жутчайшую боль воспоминаний. Сейчас мы отправимся в его прошлое, еще раз понаблюдаем, как одурманенный крепким алкоголем папаша Николай выгоняет родную дочь ночью на улицу и что с ней стало... Пьяная тварь, его же дружок, воспользовался беззащитной жертвой...

– Не надо! – заплакал Николай. – Я не ведал, что творил. Я больше не могу все это выносить! Пощади! Сколько можно возвращать меня в этот ужас!

– А каково было твоей семнадцатилетней дочурке? – угрожающе спросила Моника. – Выгнанной на улицу родным отцом и изнасилованной пьяным скотом...

– Отпустите его! – раздался звенящий печальный голосок.

И в комнате возникла светлая тень женщины. Виктор вздрогнул и закрыл глаза руками.

– Людочка, Людочка, спаси меня! – залепетал аморф и пополз к призраку. – Я же любил тебя! Правда, любил! Водка все!

– Не любил, – еле слышно прошелестел призрак матери Виктора. – И убил. Но я и после смерти полна любви, я простила.

Виктор не поднимал головы, он даже отошел в дальний конец кабинета, только бы не видеть и не слышать призрак матери. Это было выше его сил. Чрезмерная эмоциональ-

ность, которая все развивалась и развивалась, как следствие работы в Ордене, причиняла ему жесточайшую боль. Он с трудом удерживался от рыданий, он не мог общаться с матерью, вернее с тем, во что она превратилась после смерти. А она была ангелом. Существовал непреложный закон: все насильственно убиенные отлетали на небо в виде ангелов. И Виктор, как только попал в Орден, понял, отчего необходима отмена смертной казни. Убийцы, маньяки, насильники должны жить, оставаться в заточении до своего естественного ухода, чтобы совесть мучила их душу изо дня в день, меняла их сущность, заставляла снова и снова переосмысливать содеянное.

– Сыночек, – услышал он грустный голосок, – отпусти его душу на покаяние! Ты отомстил за меня с лихвой! Но я больше не могу наблюдать, как он мучается!

– Виктор тут бессилен! – ответила Моника. – Он не может нарушить естественный ход вещей. И аморф будет в моей власти еще тридцать лет.

– Нет! – одновременно вскрикнули Людмила и Николай.

Ангел метнулся к зыбкой фигуре аморфа.

– Что здесь происходит?! – раздался громкий голос.

И в кабинет вошел мужчина. Это был высокий крупный метис, с коротко подстриженными черными волосами, смуглым лицом и раскосыми светло-кариими глазами.

Ангел при первых звуках его голоса словно растворился, аморф спрятался за спину Моника. Та не шелохнулась, глядя на вошедшего, только улыбка тронула губы, тогда как глаза приняли настороженное выражение.

– Какого черта тут ошивается прилипала? – сухо поинтересовался мужчина и уселся на диван.

– Идрис, дорогой, – умильно начала Моника, – я на минутку, поздравить старого друга с днем рождения!

– Убирайся! – четко проговорил он.

И Моника как ветром сдуло, вместе с прилипшим к ней аморфом.

– Приветствую, высший, – сказал Виктор и чуть склонил голову.

– Без церемоний, – ответил Идрис и пригласил его присесть рядом.

Виктор помедлил, но потом все же устроился на диване. Он повернулся к гостю и внимательно всмотрелся в его лицо. Раскосые глаза были чуть прикрыты, полные яркие губы сжаты. Виктор четко ощущал недовольство и раздражение, исходящие от высшего, но тот сдерживал отрицательные эмоции, старался сохранять невозмутимость.

– Прости за прилипалу, – после мучительной паузы начал Виктор. – Ты же знаешь Моника!

– Помню! – сухо ответил Идрис. – Именно она тогда прилипла к тебе и чуть не довела свое дело до конца.

– Да, если бы ты вовремя не вмешался, то я бы болтался вот уже десять лет в виде беспомощного аморфа и служил источником энергии для Моника. Путь предсказуем!

– Вспоминаешь ту ночь на мосту? – осторожно спросил Идрис, его глаза прищурились.

На Виктора повеяло холодом, мурашки побежали по спине, и он в который раз пожалел о все сильнее развивающейся чувствительности. Помимо работы это очень мешало и даже вредило.

– Сегодня да! – ответил Виктор, решив быть честным.

– А что за аморфа притащила Моника? – ничего не выражающим тоном спросил Идрис.

Виктор сжался. Он был уверен, что никто в Ордене не подозревает о его страшном проступке. Информация не шла дальше замкнутых пятерок и высшего. Если, конечно, он сам не хотел донести ее до вышестоящих. Но даже в его пятерке никто из ловцов не знал о его тогдашнем договоре с Моникой. Это была тайна за семью печатями.

«А вдруг это всего лишь иллюзия? – испугался он. – И Идрису все известно! Только все эти годы он молчал. Хотя... это глупо! В чем смысл такого укрывательства?»

Виктор внимательно взгляделся в лицо высшего, но тот сохранял невозмутимость.

– Не знаю, – ответил Виктор. – Она всегда кого-нибудь таскает за собой, чтобы корм под рукой был.

Послышался стук каблучков. Кто-то быстро поднимался по лестнице. Идрис глянул недовольно на замершего Виктора, бесшумно встал с дивана и зашел за тяжелую портьеру.

– Прости, прости! – раздался голосок у двери.

На пороге стояла Сибилла. Она дышала тяжело, ее щеки пылали, кудри растрепались, словно она бежала и ветер разлохматил их по своей прихоти. Алая роза повисла в одной из прядок. Яркое-красное, сильно декольтированное платье обтягивало фигуру, пышная грудь вздымалась.

– Привет, – растерянно сказал Виктор и мельком глянул на задернутую портьеру. Но ткань была неподвижна.

– Я... я... решила прийти... не могу вот так тебя бросить, все же день рождения! А ты тут один... – сбивчиво продолжила девушка и уселась на диван.

Она закинула ногу на ногу, подол приподнялся, обнажив ее колени. Девушка была прекрасна и снова вызвала у Виктора ассоциацию с портретом какой-нибудь итальянской красавицы времен эпохи Возрождения. Желание против воли захлестнуло его. Запрет на любовь замещался острым физическим вожделением, которое возникало мгновенно при виде подходящего объекта. Слова были не нужны. Виктор четко знал, зачем пожаловала девушка. Сибилла решила сделать ему бесценный, как она думала, подарок и потерять с ним девственность именно сегодня ночью. Возможно, Виктор бы пошел у нее на поводу, если бы не два «но»: предупреждение аморфа Марии и присутствие Идриса.

– Ну что же ты стоишь? – капризно спросила Сибилла. – Иди ко мне!

Она выгнула спину, чуть приподняла подбородок и сложила губы бантиком. Виктор приблизился, мягко коснулся губами ее лба и поднял девушку. Она прильнула к нему, все ее тело дрожало. Виктор отстранился.

– Дорогая, тебе лучше отправиться домой, – ласково произнес он и вынул розу из ее волос.

– Но ты... ты не хочешь?! – возмутилась она. – Нет, не думай, любви я не прошу! Ты же сразу предупредил, что не можешь любить! Но просто секс! Я хочу, чтобы моим первым мужчиной стал именно ты!

– Я не могу, – тихо ответил он.

– Почему? Почему? – нервно повторила она.

– Твоя мать приходила ко мне... во сне, – после паузы ответил Виктор и увидел, как девушка перекрестилась и прижала к губам крестик, висящий у нее на шее. – Она просила не причинять тебе вреда, оставить тебя в покое! Это правда, Сибилла!

– О, Maria, mater dei! – пробормотала Сибилла, в волнении перейдя на итальянский, и отстранилась.

Она сильно побледнела и не поднимала глаз.

– Иди домой, – повторил Виктор. – Увидимся!

– С днем рождения, синьор... еще раз, – тихо ответила девушка и покинула кабинет.

Виктор услышал удаляющийся стук каблучков, вздохнул и сел на диван.

Идрис вышел из-за портьеры и остановился перед ним. Он обычно носил одежду черного цвета, и сейчас его крупная накачанная фигура в черных брюках и черном кожаном френче казалась Виктору нависающим массивом эбонита. Чтобы избавиться от ненужного страха, Виктор встал. Ростом он был почти вровень высшему, но не обладал фигурой качка.

– Я ощутил энергию любви, – с затаенной угрозой сказал Идрис. – Сейчас мы отправляемся на Совет. И у тебя есть какое-то время подумать. Никто тебя не неволит. Решешь уйти из Ордена, тебя отпустят.

– Я не люблю Сибиллу! – уверенно ответил Виктор, глядя прямо в глаза высшему. – Это всего лишь физическое влечение. Девушка свежа, хороша собой, обладает пылкой натурой и при этом невинна!

– А что там за история с ее матерью? – спросил с легкой улыбкой Идрис.

Виктора всегда занимали эти, казалось, простые вопросы, которые высшие задавали своим подчиненным. Он почти не сомневался, что они видят низших ловцов насквозь, возможно, даже умеют читать мысли и лишь делают вид, что они обычные люди. Это его пугало, но он научился выставлять барьеры, глушить мысли, не позволять проникать в свой мозг.

– Ее мать не приходила ко мне во сне, как ты мог догадаться, – спокойно ответил он, – но она аморф и при этом привязана к Монике. Мария, так ее зовут, вышла на связь и попросила позаботиться о ее дочке.

– Ты все же продвинутый ловец, – с усмешкой заметил Идрис. – Полезно иметь в подружках одну из прилипал!

– Никакая она мне не подружка! – сухо произнес Виктор.

– Да-да... не будем вспоминать историю твоего неудавшегося самоубийства! И пора отправляться на Совет.

– Он состоится на Лидо? – уточнил Виктор.

– Доедем до города, – улыбнулся Идрис. – Ты же знаешь, мы любим эффектный антураж. Это всегда вдохновляет. И раз уж ты решил встретить свой день рождения именно здесь, то Совет решили собрать на одной из наших венецианских баз!

Из записной книжки:

«Из предисловия к сочинению „Отголосок общества розенкрейцеров“ следует, что в 1597 г. происходили собрания для учреждения тайного общества покровительства алхимии. Другое указание действительного существования такого общества нашлось в 1610 г., когда нотариус Газельмейер уверял, что читал рукопись Fama Fraternitatis, содержащую в себе все законы Ордена. Спустя четыре года появилось небольшое сочинение под заглавием „Всеобщее преобразование света“, в котором, собственно, заключалась Fama Fraternitatis, где рассказывается, что один немец, Христиан Розенкрейц, основал такое общество в четырнадцатом столетии, научившись этой высокой науке на Востоке. О нем рассказывают, что, когда в 1378 г. он путешествовал по Аравии, его называли по имени и приветствовали философы, никогда прежде не выдавшие его; от них он узнал много тайн, между прочим тайну продления жизни. По возвращении он приобрел много учеников и умер 150 лет от роду. В 1604 г. один из его учеников разрыл его могилу и нашел там странные надписи и рукопись, написанную золотыми буквами».

Они воспользовались ночным вапоретто и отправились по Гранд-каналу. Была глубокая ночь, но город не спал. Взгляд Виктора отчего-то цеплялся за влюбленные парочки. Ему казалось, что их здесь перебор. На каждом мостике, на каждом балконе, на улочках, на скамейках, в проплывающих мимо гондолах, на палубе вапоретто он видел целующихся, обнимающихся влюбленных. Их затуманенные лица вызывали раздражение, обострившаяся чувствительность давала толчок чувственности, и тело откликалось против воли на эмоции,

идушие от «воркующих голубков». Он ловил эти потоки и пропускал через себя по привычке, укоренившейся за последние десять лет, ведь чаще всего спонтанные самоубийства совершали именно несчастные отвергнутые. Пустяковая ссора между юными влюбленными могла вызвать самые непредсказуемые последствия, и как только на пути ловца встречалась парочка, он поневоле настораживался и проверял энергетическое поле.

Идрис молчал. Его лицо выглядело непроницаемо каменным, только раскосые глаза блестели в свете фонарей. Но Виктор замечал, что он иногда поглядывает на него с немым вопросом в глазах. Ловец не обязан был сообщать своему высшему заранее о решении. Он мог сказать об этом только на Совете.

– А мы куда сейчас? – нарочито равнодушно спросил Виктор, когда они вышли на остановке из вапоретто.

– В Сан-Поло, – сообщил Идрис. – Здесь недалеко.

– А там что? – не унимался Виктор.

– Фрари, – коротко ответил тот.

– Что это? – уточнил Виктор.

Он отчего-то начал волноваться, даже ладони вспотели, а пальцы противно подрагивали. Виктор засунул руки в карманы короткого плаща и несколько раз сжал кулаки, чтобы физическим усилием снять эмоциональное напряжение.

– Собор Санта-Мария Глорियोза деи Фрари, – после паузы пояснил Идрис. – А попросту Фрари. Ты нервничаешь, мне это передается. Неужели решение все еще не принято?

Виктор сжался и промолчал.

Они углубились в узкий переулок, стены домов возвышались и давили, слабый свет фонарей слегка золотил вымощенную щербатыми плитами дорогу. Сырой воздух казался серовато-дымным, пахло какой-то плесенью и помоями. Раздался мерзкий громкий визг, два кота выскочили на середину переулочка и, подняв хвосты и выгнув спины, начали шипеть друг на друга.

– Diavolo! – раздался крик, хлопок в ладоши и смех.

Коты мгновенно исчезли, в переулочке показалась девушка. Ее пушистые растрепанные кудри окружали темным ореолом смеющееся личико, глаза сияли, как звездочки, энергия молодости, счастья, любви так и плескалась из всего ее существа. Темноволосый юноша вышел вслед за ней, он что-то быстро говорил, темпераментно размахивая руками.

– Даже банальная драка двух котов может вызвать такой приступ веселья! – заметил Идрис и скривился в усмешке. – Что значит любовь! Она реально меняет психику, и люди глупеют на какое-то время.

Парочка, не обращая на них внимания, начала страстно целоваться. Ловцы обошли их и углубились в переулок. Но Виктор зачем-то оглянулся. Картинка взбудоражила воображение. Прильнувшие друг к другу юные гибкие тела, слившиеся губы, спутавшиеся растрепавшиеся кудри, обхватившие талии руки, сжимающие все крепче, – это было будто одно существо, полное любви и страсти, окутанное живой искрящейся энергией на фоне древнего умирающего города, пропахшего сыростью и заросшего плесенью.

– Ты хочешь любви, – сделал вывод Идрис, пристально глядя на спутника.

Виктор поспешил вперед. Но высший схватил его за локоть и развернул к себе. Его глаза горели, их светло-коричневая радужка казалась медовой и будто подсвеченной золотом солнца изнутри. Виктор замер, он все еще был раздражен, взбудоражен и никак не мог войти в состояние гармонии с миром и внутреннего спокойствия.

– Не хочу! – все же ответил он.

– Тогда что тебя так волнует сегодня? Помимо, конечно, предстоящего Совета...

– Я совершил проступок, – после паузы ответил Виктор, – я погулял в своем прошлом, оказался на том мосту... в своем родном городе...

– Я так и подумал! – сухо произнес Идрис. – Сколько вам говорим, да толку ноль! И чем дольше служба Ордену, тем все более непослушными вы становитесь! Было больно?

– Еще бы! – хмуро сказал Виктор и пошел вперед.

– Нельзя нарушать правила, – пробормотал Идрис, – для вашей же пользы они разработаны и соблюдаются веками. Все не просто так! Зачем раскачивать свою психику и этим ослаблять себя!

Они прошли до конца переулочка и завернули за высокое здание. Мрачная на вид готическая церковь возвышалась темным строгим силуэтом на высветленном фонарями ночном небе. Часть ее отражалась в воде узкого канала.

– Фрари, – сообщил Идрис.

– Мы на месте? – уточнил Виктор, глядя на темный силуэт с четкими вытянутыми крестами.

– В Венеции мы базируемся именно здесь, – ответил Идрис. – Собор принадлежит францисканскому ордену.

– Вот как! – удивился Виктор, обозревая громаду храма. – Насколько я помню, это нищенствующий монашеский орден, основан Франциском Ассизским с целью проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма, любви к ближнему. Их еще называют минориты, то есть меньшие братья.

– Верно! – с улыбкой ответил высший. – Я доволен, что ты не прекращаешь учебу.

– Такой монументальный храм явно говорит о богатстве Ордена, – тихо заметил Виктор. – Даже захотелось побеседовать с самим Франциском, узнать, как он на все это смотрит! – после паузы добавил он и усмехнулся.

– Дело твое! – пожал плечами Идрис. – Подобные беседы не возбраняются правилами и гулять в прошлом с такими целями разрешается. Но хочу ответить на твой вопрос, почему именно Фрари? Тебя ведь это интересует?

– А мысли читать запрещено, – подколот Виктор. – Хотя я уверен, что все высшие копаются в мозгах подчиненных, хотя никогда в этом не признаются...

– Измени настроение! – посоветовал тот. – Так вот, отвечаю на твой невысказанный вопрос. Существует Третий орден францисканцев, так называемые терциарии. К ним принадлежал Данте Алигьери. И он был из наших. Поэтому ловцам оказана честь пользоваться собором для Советов.

– Великий Данте! – восхитился Виктор. – А я и не знал!

– Думаю, все уже в сборе. Вон мостик через канал, он ведет прямо ко входу, – сказал Идрис и быстро двинулся вдоль воды.

Они перешли на другую сторону, но высший не направился к главному входу, а обошел здание справа. Виктор молча следовал за ним. Он внутренне собрался. Он уже принял решение, но сейчас хотел до конца избавиться от малейших сомнений, чтобы они не мешали ему на Совете.

Они прошли почти до конца стены собора и оказались возле низкой металлической двери. Идрис стукнул кольцом ручки три раза, вход тут же открылся, словно их ждали. Монах в коричневой рясе с надвинутым на лицо капюшоном низко поклонился и пропустил гостей. Затем взял со стены факел и начал спускаться по узкой крутой лестнице. Через пять ступеней он скрылся в темноте прохода, а перед ловцами откуда ни возьмись появилась обнаженная девушка. Ее пышное, соблазнительных форм тело сияло, длинные рыжие кудрявые волосы разметались по округлым плечам, зеленые глаза искрились весельем, пухлые алые губы морщились от едва сдерживаемой улыбки, упругая грудь вздымалась, красные соски были крупными и неестественно яркими, словно подкрашенные помадой. Тело источало аромат, от которого у мужчин закружилась голова. Виктор замер, глядя на девушку, она улыбнулась ему, затем перевела взгляд на Идриса и облизала кончиком языка и без того

влажные губы. Идрис расхохотался ей в лицо и пробормотал, что древние обряды давно себя изжили.

– Это прилипала? – шепотом предположил Виктор. – Но как она могла сюда попасть?

– Нет, не прилипала! – ответил высший. – Это... просто девушка.

– И что она хочет?

– Тебя! – ответил он. – Пойдешь с ней наружу? Она хороша и чувственна!

– Я что, по-твоему, неконтролирующий себя самец?! – искренне возмутился Виктор.

Девушка обогнула высшего и встала на одну ступень с Виктором. Она распахнула его плащ, прижалась к тонкой ткани рубашки обнаженной грудью и начала тереться. Ее веки отяжелели, губы приоткрылись, дыхание участилось. Ее рука скользнула вниз... Виктор оцепенел, но почти мгновенно справился с приступом физического влечения и оттолкнул девушку.

– Как-нибудь в другой раз, – вежливо произнес он и обошел ее, спустившись на ступень к Идрису, молча наблюдавшему за этой сценой.

И тут же оглянулся. Девушка будто испарилась.

– Что за ерунда? – сухо спросил он.

– Это так называемая блудница, – с улыбкой пояснил Идрис. – Орден соблюдает древние обычаи перед тем, как ловец приходит на Совет. Но я всегда считал, что это изжило себя, однако блудница появляется перед каждым, хотя выглядит все это формально.

– Ну не скажи! – с натянутой улыбкой ответил Виктор. – Плоть волнует... все еще чувствую определенное неудобство... А если бы я поддался искушению и решил позабавиться немного с красоткой прямо сейчас? Пара минут – и я бы предстал перед Советом физически удовлетворенный.

– А такое возможно? – удивился Идрис.

– Со мной нет, но мало ли! Кто другой воспользовался бы.

– И этот другой отправился бы восвояси, даже не дойдя до зала Совета, – уверенно ответил Идрис. – Если ловец настолько не в силах совладать с желаниями, то он не готов продолжать сотрудничество с Орденом и его исключат безоговорочно, – монотонно добавил он, словно читал один из пунктов Устава.

– Глупо... – начал Виктор и осекся.

Грузную фигуру Идриса заслонила полупрозрачная женщина.

– Здравствуй, сыночек, – прошелестел голос.

– Мама, – растерянно сказал Виктор и ощутил приступ невыносимой боли.

Призрак начал словно бы материализоваться, прозрачность исчезала, черты лица проступали все четче. И вот на одной ступени с Виктором стоит женщина, реальная на вид и живая. Голубые глаза блестят, розовые губы улыбаются.

– Витя, – говорит она мягко и ласково, – как ты поживаешь?

– Хорошо, – неуверенно ответил он и заглянул через ее плечо.

Но Идрис спустился на несколько ступеней, и его силуэт почти скрылся в темноте лестницы.

Виктору захотелось обнять мать, крепко прижать ее к себе.

После ее смерти он почти не общался с ее призраком, хотя ловцы могли видеть потусторонних существ и даже говорить с ними. Но Виктор старательно избегал этого. Он всегда был импульсивным, впечатлительным, остро ощущал душевную боль, но когда стал ловцом, ее сила увеличилась стократ. Инстинктивно он избегал всего того, что могло принести новые страдания. И встречи с погибшей матерью были одним из сильнейших источников боли. Он не мог избавиться от чувства вины за то, что оставил ее, как только вступил в Орден. У него тогда появились неограниченные средства, и он первым делом уехал из Коврова, перебрался в столицу и снял там квартиру. Тогда он осуждал ее связь с такой мразью, как Николай Орестович, не понимал или не хотел понять мотивов. И полностью отстранился от

жизни матери, не интересовался тем, что происходит, считая, что крупные суммы, которые он ей посылал, и есть исполнение сыновьего долга. И постоянной болевой иглой, которая входила и входила в его сердце, была мысль, что он мог предотвратить ее убийство, если бы оставался рядом с ней. После ее смерти Виктор даже хотел покинуть Орден, но Идрис тогда сказал, что его вины нет, это судьба, а ее почти невозможно предотвратить. Но Виктор ему не поверил, посчитав его довод стандартной формой утешения. Он мог допустить: все, что происходит в жизни, нужно принимать с верой. «Зло будет рано или поздно наказано», – эту формулу он отлично знал и даже верил в провидение Господне. Но в то время он не в силах был ждать справедливого возмездия и решил отомстить по-своему. И подослал Монику. Она охотно пошла на это, хотя Николай Орестович совершенно не был склонен к суициду. Но тем интереснее казалась ей задача. К тому же для прилипалы подобная сделка сулила одни выгоды. Во-первых, она получала в свое распоряжение аморфа – источник ее энергии, во-вторых, Виктор – а он был одним из самых способных ловцов и этим сильно досаждал прилипалам – давал ей преимущество над собой. Она могла в любой момент доложить о его преступлении. А такого рода сделки рассматривались именно как преступление против Ордена. И особым пунктом договора были выделены как архиважные.

«Ловец не может ни делом, ни устным принуждением, ни психическим внушением вызывать у любого человека, будь то самый страшный преступник, серийный убийца и по людским законам потерявший душу и продавшийся дьяволу, желание самовольно уйти из жизни. Это дело Господа нашего, и не ловцам вмешиваться в такие дела. Это преступление против воли Господа, только он карает и милует. И если будет такова его воля, то любой преступник раскается при жизни и муки его совести будут страшнее любого известного на земле наказания. От них не скрыться, не избавиться, не излечиться, и это Голгофа для любого, преступившего человеческие и божеские законы».

Только Моника знала о его преступлении, и пока она хранила эту тайну. И, увидев трансформировавшегося на глазах призрака матери, он не только вновь испытал жалящее чувство вины, но и смертельно испугался, что сейчас все раскроется, Идрис узнает о том, что произошло почти восемь лет назад, его немедленно исключат из Ордена и лишат всех сверхвозможностей. Совершил бы он сейчас такое? Виктор не раз задавал себе этот вопрос, но четкого ответа у него так и не было. Он яростно ненавидел мучителя и убийцу матери, ему было мало тех страданий, который тот испытывал в теле аморфа, он бы самолично распинал его на кресте ежедневно, пытал и мучил все эти годы. И эта непроходящая ненасытная ненависть разрушала. Виктор понимал, что аномальные способности, которыми его наделил высший, вызывают такую сверхчувствительность, и просто терпел постоянно сидящее в нем жало ненависти и злобы, как обычные люди терпят неизлечимую болезнь, зная, что при жизни не смогут от нее избавиться. Именно поэтому он старательно избегал любого контакта с призраком матери. А она все никак не могла успокоиться и уйти в высшие сферы. Ее крепко держало то положение, в котором очутился Николай. Превратившись после смерти в ангела, она стала воплощением света, милосердия и добра и пыталась исправить зло. Ее душа не могла оставить в муках несчастного аморфа. И это был неразрешимый конфликт.

– Я знаю, кто ты, – продолжила она, – знаю, что за дело ты взвалил на свои плечи! И хочу предостеречь тебя...

– Мама! – остановил ее Виктор. – Я не хочу обсуждать подобные вопросы! Ты же знаешь, что живое – живым! Уходи, не тревожь меня! Я давно сказал, что неправильно нам общаться, ни к чему хорошему это не приведет!

– Мне позволили, и я хочу рассказать тебе...

– Мама! – снова остановил ее Виктор.

Он глянул вниз, но фигура Идриса скрывалась во мраке уходящей вглубь лестницы, и создавалось ощущение, что Виктор остался наедине с матерью. Но он точно знал, что высший здесь и все слышит.

– Я не буду говорить о прошлом, – четко проговорил он и пристально посмотрел в глаза мамы.

Она напрягалась и кивнула. Он едва заметно вздохнул.

– Я не скажу ничего лишнего, только хочу предупредить, – продолжила она более спокойно, – не все так замечательно в этой работе, как тебе кажется. Я вижу, вернее, я чувствую, как сильно ты изменился за эти десять лет. Может, стоит сегодня все закончить? И попытаться вернуться к обычной человеческой жизни. Витенька, родной мой! Тебе всего двадцать семь! Еще можно получить профессию, найти хорошую достойную девушку, жениться и существовать, как обычный и счастливый парень! Сил нет смотреть, как ты меняешься, с кем ты общаешься... Я знаю, ты можешь попросить стереть из памяти весь этот кусок жизни ловца.

– Мама, я все решил! – ответил он и склонился к ней, пытаясь коснуться губами щеки. Но ощутил лишь холодный воздух. Он вздрогнул и зажмурился.

– Вам не говорят, но есть случаи, когда сами ловцы добровольно кончают... – зашепел голос.

– Хватит! – перебил Идрис и возник на ступеньке рядом с ними.

Мать Виктора замолчала, ее облик затуманился, лицо будто поплыло, растворяясь, только голубые глаза сияли чистым небесным светом и озаряли темноту лестничного проема. Но вот и они потухли, призрак исчез.

Виктор закрыл лицо ладонями и замер. Информация, которую хотела передать ему мать, заставляла задуматься. Ему и в голову не приходило, что ловцы самоубийц могут сами совершить суицид. Он никогда не слышал о таком, и даже в Уставе Ордена не упоминалось о подобном исходе. И Виктор был уверен, что все члены застрахованы от этого страшного смертного греха, ведь информация о жизни аморфов могла раз и навсегда отшибить даже мысли о таком конце. Но мать не могла придумать такой аргумент, чтобы отговорить его не продлевать контракт. Ведь она была ангелом, а те не лгут. И было о чем поразмыслить.

– Ты готов? – услышал он голос и открыл глаза.

Идрис стоял рядом на ступеньке и пристально смотрел на него. Чуть ниже находился монах, его лицо по-прежнему скрывал надвинутый капюшон.

– Полностью, – кратко ответил Виктор и выпрямил спину.

Из дневника Виктора:

«Лиза красива? Я последнее время все задаю себе этот вопрос. Тоненькая, хрупкая, с нежным лицом, иногда бледным, а иногда с тонким розовым румянцем, с голубыми глазами, опущенными длинными густыми ресницами, с волнами пепельно-русых вьющихся волос, падающих ей на плечи, с маленькими, но пухлыми губами... Она выбивается из общей массы девушек, которые делают упор на сексуальность, ярко красят глаза и губы, носят сильно обтягивающие кофточки и короткие юбки. Их тела просто кричат: „Возьми меня! Я так доступна!“ И многие парни живо реагируют на этот немой призыв. А Лиза словно создана не из плоти, а из воздуха, вернее, из полевых незабудок, ромашек и гвоздик. Кажется, ветер подует, и ее эфемерный облик разлетится на тысячи невесомых голубых,

розовых, белых лепестков. И останется только сладкий свежий аромат. Именно так я ее воспринимаю. И мне кажется, что сексуальности она напрочь лишена. Одна нежность и закрытость, которые создают тайну. Лиза – бутон с сомкнутыми лепестками. И меня это будоражит и возбуждает куда сильнее, чем выставленные напоказ, обнаженные донельзя части тел некоторых девушек. Накрашенные блестящей алой помадой, сложенные в капризную гримасу или выставленные будто для поцелуя губы притягивают взгляд лишь на мгновение, вызывая быструю реакцию мужского организма. Но так же быстро она и проходит. Ведь все так очевидно. А вот любую тайну хочется узнать, это манит и цепляет намного сильнее.

Лиза... я так люблю тебя! Но нам не быть вместе! Остается любить тебя безнадежно всю жизнь... И другие девушки уже не существуют».

Они спустились еще на несколько ступеней и оказались перед металлической дверью. Пять кованых роз посередине, собранных в квадрат, повернутый углом вверх, зацепили взгляд Виктора. Это была эмблема ловца низшей ступени, своеобразный розовый крест. Он, как и остальные из пятерки, носил такие украшения, сделанные из черного серебра. А вот у Идриса, как высшего пятерки, был крест другой формы: из шести роз. И средняя, в центре квадрата, вырезана из кроваво-красного рубина.

Монах раскрыл перед ними дверь. Они сделали несколько шагов и остановились, одновременно произнеся формулу приветствия Ордена, неизменную веками:

– Sub rosa.

– Sub rosa dictum, – услышали в ответ и склонили головы.

– Прошу, проходите, – раздался громкий звучный голос.

Идрис двинулся вперед, Виктор следовал за ним. Его сердце колотилось, он впервые был на Совете пяти. Такое собрание состояло из высших других пятерок. Идрис, равня им, привел своего ловца, чтобы узнать решение после окончания десятилетнего договора.

Виктор остановился посередине полутемного зала, он пытался успокоиться, но волнение только усиливалось. Перед ним находился массивный старинный на вид дубовый стол, пять подсвечников в виде кованых роз расположились в линию. Алые свечи в форме раскрытых бутонов освещали сидящих за столом высших. Их было четверо. Низко надвинутые капюшоны их белых одеяний скрывали лица.

– Встань на место, – тихо предложил Идрис, и Виктор машинально поднял голову.

Он заметил на звездчатом потолке, характерном для архитектуры католических соборов, белую розу. Она была искусно выкована и выкрашена в серебристо-жемчужный цвет. Он встал под ней и оказался напротив середины стола. Идрис кивнул и занял центральное место в Совете. Виктор стоял перед ним, подняв голову.

– Начнем, – будничным тоном предложил Идрис.

И напряжение Виктора начало спадать. Он увидел, что члены Совета откинули капюшоны. Ловцы низшей ступени не были знакомы не только с высшими других пятерок, но даже с их подчиненными. Они шли по жизни одиночками, но ощущали неусыпную опеку своего начальника. Он был словно отец, и Виктор в трудных случаях всегда мог обратиться к Идрису. Правда, раз в месяц тот собирал своих подчиненных, но между собой они общались неохотно. В пятерке Виктора были только парни, он знал, что девушек крайне неохотно принимают в Орден. Ловцы отличались чрезмерной эмоциональностью, при этом им запрещено было любить. Для женской психики такие условия часто оказывались не под силу. Поэтому Виктор чрезмерно удивился, увидев среди Совета женщину. Она сидела справа у окончания стола, свет свечи слабо освещал ее лицо, но Виктор разглядел, что это эффектная брюнетка с короткой стрижкой, большими светлыми глазами, крупными яркими губами и нежным, показавшимся ему беззащитным выражением лица. Возраст определялся трудно.

Виктор дал бы ей около тридцати. Остальные члены Совета были мужчинами. Он скользнул по их лицам быстрым взглядом и посмотрел на улыбающегося Идриса.

– Представляю вам моего лучшего ловца по имени Виктор, – продолжил Идрис. – Сегодня истек его десятилетний договор, и он готов озвучить нам свое решение.

Члены молча кивнули. Их лица остались бесстрастными, только женщина едва заметно улыбнулась, так показалось Виктору.

– Я остаюсь в Ордене, – просто сказал он.

Сидящий с левого края мужчина встал. Он оказался высоким и широкоплечим. Его славянская красота, точеные черты лица, мягкие золотистые кудри и глубокие серые глаза притягивали взгляд.

– Петр, – представился он. – Твое решение осознанно? Ты готов следующие десять лет посвятить служению? Тебе будет уже тридцать семь. Еще десять лет жизни отдать Ордену. Ты – человек, и для тебя время имеет решающее значение. Что скажешь?

– Готов, – быстро ответил Виктор.

Петр кивнул и сел. Поднялся тот, что сидел рядом с ним. Худощавый, на вид юный и артистичный, он представился высоким чистым голосом:

– Даниэль.

И широко улыбнулся, засияв синими глазами. Виктор невольно заулыбался в ответ, мгновенно поддавшись тонкому обволакивающему обаянию парня.

– Скитаться по свету, без семьи, без друзей... – ласково продолжил Даниэль. – Всегда один, закрытый для всех, кроме потенциальных клиентов. Вечный странник по миру... скорби. И еще десять лет? А тебе это нужно? – весело спросил он. – Может, ну его, это служение? Расстанемся здесь и сейчас! Тебе сотрут из памяти все, что ты пожелаешь. Начнешь новую жизнь обычного парня. Или все еще прельщает путь... одинокого волка?

– Я остаюсь в Ордене, – ответил Виктор.

Даниэль пристально на него посмотрел, его живое подвижное лицо на миг застыло, глаза прищурились, словно он к чему-то прислушивался. Виктор знал, что проникать в мозг к кому бы то ни было запрещено правилами, но сейчас у него появилось четкое ощущение, что высший копается в его мыслях. Он инстинктивно отключил поток сознания и создал внутри себя полную тишину. Даниэль вздрогнул и словно пришел в себя. Он улыбнулся, кивнул и сел на место.

– Соланж, – раздался нежный голосок, женщина встала и чуть наклонила голову.

«Сейчас начнется разговор о любви! – подумал Виктор. – Кому, как не женщине, поднимать эту тему! И какое красивое у нее имя. Скорей всего, француженка!»

– Есть ли у тебя тайны? – неожиданно спросила она. – Так ли ты прозрачен для своего высшего, как он думает?

«Вообще-то этот вопрос должен задавать Идрис», – замелькали мысли, и Виктор усилием воли погасил их.

Он вдруг подумал, что, возможно, именно на Совете разрешено читать все, что происходит внутри него в данный момент. Он до конца не понимал возможностей высших, но догадывался, что они велики. Он постарался «затемнить» разум и прямо глянул на женщину. Лицо Соланж было прекрасным, он не мог этого не отметить, но ее взгляд проникал острыми ледяными иглами прямо ему в мозг. Это было неприятно. Виктор внутренне собрался и выставил перед собой воображаемый черный щит. Создалось четкое ощущение, что иглы Соланж ломаются об него. Но ее лицо осталось невозмутимым.

– У меня нет тайн от Ордена, – спокойно ответил он.

И сам в этот момент поверил в собственную ложь. Он знал, что это самый надежный способ убедить кого угодно в правоте. Веришь сам – поверят другие. Виктор часто пользовался этим приемом в своей практике ловца.

– Никаких? – уточнила Соланж и прищурилась.

– Бывает, что промелькнет в мыслях что-нибудь, что можно посчитать за тайну, – нарочито равнодушным тоном начал он. – Но это всего лишь игра воображения. А вы знаете, что чем дольше ловец служит Ордену, тем сильнее оно развивается.

– Cogitationis roenam nemo patitur, – ответила Соланж после паузы и улыбнулась.

– Я не очень силен в латыни, – сказал Виктор и улыбнулся в ответ.

– «Никто не несет наказания за мысли», – перевела она.

– Это верно! – согласился он. – И с нашим буйным воображением иногда нелегко справиться.

– Но нам запрещено читать мысли, – мягко напомнила она.

– Да, я знаю! Я к тому... я вспомнил, что говорил сегодня Идрис. Он упоминал о Данте Алигьери. Неужели он был одним из нас?

– Это закрытая информация! – не переставая улыбаться, ответила она.

– Думаю, это объясняет появление его великого произведения... Какое буйство фантазии! – словно не слыша продолжил Виктор. – Видимо, когда он вышел из Ордена, то сразу начал писать «Божественную комедию»...

– Вижу, твое воображение заводит далеко! – оборвала его Соланж и села.

Виктор замолчал и посмотрел на еще одного члена Совета. Это был черноглазый, черноволосый, брутальный на вид мужчина средних лет. Он встал и представился:

– Артур.

Виктор склонил голову.

– Мы почти все прояснили, – сказал Артур и широко улыбнулся. – Но главное – любовь! Тема, которая рефреном проходит по всему существованию ловцов в Ордене, как низших, так и высших. Что скажешь?

– «С той поры, сгорев душою, / Он на женщин не смотрел, / И до гроба ни с одною Молвить слова не хотел. / С той поры стальной решетки / Он с лица не подымал / И себе на шею четки / Вместо шарфа привязал», – продекламировал Виктор и добавил: – Это из стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный».

– Прекрасно! – одобрительно заметил Артур. – Но и сгоревшая душа когда-то оживет.

– Это исключено! По крайней мере, могу гарантировать... ближайшие десять лет! – уверенно ответил Виктор.

Артур кивнул и занял свое место.

– Что ж, осталась формальность, – подытожил Идрис и встал. – Хочу задать тебе вопрос: решил ли ты, что хочешь взять под свое начало пятерку? Такая возможность у тебя есть.

– Я не готов сейчас дать ответ! – сказал Виктор и склонил голову.

– Это допустимо, – ответил Идрис. – Пока остаешься в моей пятерке, но в любой момент можешь подняться на ступень.

Он сел. Высшие придвинулись к нему, что-то быстро обсудили и заняли свои места, накинув капюшоны на голову.

Виктор по знаку Идриса приблизился к столу. Из темноты зала вышел монах, который сопровождал их на Совет. В его руке краснело крохотное раскаленное клеймо. Виктор стянул с плеч рубашку, опустил голову и уперся лбом в холодную дубовую поверхность. Огненное прикосновение клейма к верхней части позвоночника вызвало лишь легкую дрожь. У него уже был знак розы, означающий принадлежность к Ордену и первый контракт. И сейчас ниже этого знака появилась вторая роза. Виктор обязался служить еще десять лет, жить в одиночестве, без каких-либо нежных привязанностей, без дружбы и любви.

Из дневника Виктора:

«Розу как символ молчания древние римляне часто вешали над столом во время пиршеств в знак того, что о сказанном под розой во время застолья следует молчать где бы то ни было. Впоследствии, в Средние века, с той же самой целью она изображалась на потолке комнат, где проходили важные, секретные совещания, встречи, переговоры, а также в решетке католической исповедальни. Символом молчания роза считалась потому, что Амур, получив ее в подарок от матери, богини любви Венеры, посвятил этот цветок Гарпократу, египетскому богу молчания.

Именно эта легенда родила устойчивую латинскую фразу: Sub rosa dictum (перевод – „Под розой сказано“). Это выражение означает тайное изречение. Позже появилась укороченная форма: Sub rosa. Посвященные понимали эти два слова как „держать в секрете“».

Глава третья

Виктор спал довольно долго. Когда он очнулся, было почти три часа дня. Он потянулся и невольно начал улыбаться. Мысли казались легкими, почти невесомыми, они не давили на разум, все сомнения остались позади. Принятое решение сейчас казалось единственно верным. Да, еще десять лет он отдаст служению, но его вполне устраивала такая жизнь. Орден не скупился на средства для своих членов, у Виктора был неограниченный кредит в одном из швейцарских банков, и он уже привык к жизни, лишенной каких-либо материальных проблем. Он мог путешествовать – а это только приветствовалось Орденом – мог жить там, где ему заблагорассудится и столько, сколько он захочет, мог покупать себе все, что пожелает: от машин представительского класса до роскошных вилл на престижных курортах мира. Но Виктора все это мало волновало, он был привязан к своей стране и в будущем планировал осесть или в своем родном Коврове, или в столице. Когда он только начал служить Ордену, то поначалу снимал, а затем купил себе жилье в Москве. Это была трехкомнатная квартира в одном из переулков Замоскворечья. Приобрел он и основательный особняк на окраине Коврова и перевез туда мать. И впоследствии часто жалел об этом необдуманном поступке. Николай Орестович положил глаз на «эти хоромы», именно так он выражался, и начал прессовать Людмилу, чтобы она заставила сына оформить на нее дарственную. Его план был прост и предсказуем: завладеть в будущем жильем жены. Методов для этого было предостаточно. И Виктор часто думал, что если бы его мама осталась в старой хрущевке, то, возможно, все еще была бы жива.

Помимо материальных благ ловцы наделялись сверхспособностями, и тут уже было личное дело каждого, как развивать их, на что делать упор. Виктору нравилось усиливать особое внутреннее зрение. Он странным образом видел что-то наподобие волн, исходящих от людей. Именно это позволяло моментально определять эмоциональное состояние. Мало того, он начал выделять специфический цвет суицида, так он называл это про себя. Если встреченный им человек источал мутное фиолетовое сияние, то Виктор твердо знал, что им овладели мысли о самоубийстве. А если подобное поле окутывало всю фигуру, то его потенциальный клиент был готов совершить акт в любую минуту.

Чтобы легко находить контакт, всем ловцам необходимо было развивать коммуникабельность, культивировать в себе доброжелательность, любовь к людям, выявлять и усиливать природное обаяние, легко и непринужденно идти навстречу любому человеку, уметь окутать его заботой, вникнуть в проблемы, заставить полностью открыть душу. И при этом не играть, а быть искренним до конца. «Только искренность может зажечь любое сердце», – правило Ордена, которое тщательно внушалось ловцам до тех пор, пока неподдельная искренность не становилось у них бессознательной привычкой.

Но была и оборотная сторона медали. Такая жизнь постепенно возводила эмоциональность в превосходную степень. И было все труднее справляться с ней. Психика становилась похожей на качели, амплитуда движения их все увеличивалась, вознося в небесные сферы эйфории, опуская в бездны отчаяния и снова взлетая к высотам духа. Держать себя в узде становилось все труднее, часто происходили срывы. Именно поэтому женщин, от природы импульсивных и чувствительных, неохотно принимали в Орден. И Виктор, вспоминая сейчас события ночи, все еще не мог избавиться от любопытства и удивления. Присутствие среди высших Соланж вызывало множество вопросов.

Виктор полежал какое-то время в кровати. Мысли текли плавно, тело наполнялось просыпающейся энергией, настроение поднималось. Он улыбнулся, потянулся еще раз и вскочил. Тяжелые портьеры, плотно закрывающие огромные окна, глушили дневной свет.

Ему захотелось солнца, щебета птиц, свежего морского ветерка. Виктор покинул спальню и вышел на террасу, даже не одевшись.

Горничная вытирала стеклянный столик, находившийся в углу под свисающими плетями шпалерных роз. Когда Виктор быстро вышел из проема двери, она обернулась и вскрикнула. Тряпка выпала из трясущихся рук. Щеки девушки запылали.

– Buon giorno, signorina! – весело поздоровался Виктор.

Смущения он не чувствовал, сейчас ему нравилось быть обнаженным, свободным от любых условностей. Энергия так и распирала.

Горничная что-то пробормотала, схватила тряпку и бросилась с террасы, низко опустив голову. Он проводил ее улыбкой и уселся в кресло, закинув ногу на ногу. С краю стола находилась большая ваза с фруктами. Горничная не успела пододвинуть ее. Виктор снова заулыбался и взял большое красное яблоко. Он с удовольствием запустил в него зубы.

– Я принесла тебе халат, – раздался смущенный голосок, и Виктор обернулся.

На террасе появилась Сибилла. И он недовольно поморщился. Сейчас ему совсем не хотелось выяснять отношения с кем бы то ни было.

– Ты шокировал горничную, – добавила она и кинула халат на его ноги. – Все же лучше одеться. Она сейчас принесет нам кофе. Я попросила сварить.

– Хорошо, – вяло ответил он.

– Что за привычка разгуливать голым! – лукаво заметила девушка и устроилась в кресле напротив.

Ее глаза блестели. Она смотрела, не скрываясь, на его плечи, грудь, затем взгляд спустился ниже. Виктор спокойно встал, надел халат и запахнул полы.

– У меня нет опыта, я видела обнаженных парней только в фильмах, – сказала Сибилла.

– И при этом ты несколько не стесняешься и нахально меня разглядываешь, – заметил Виктор, взял из вазы яблоко и кинул ей.

Она ловко поймала и опустила плод на свои колени. Он проследил за ее жестом и снова начал улыбаться. Игра забавляла, но Виктор твердо решил, что не поддастся и не перейдет грань.

– Зачем пожаловала? – поинтересовался он.

– Просто так, – легко ответила она. – А что, ты против?

– Мне все равно, – искренне ответил Виктор. – Ты должна это понять и не строить на мой счет никаких планов. Все равно я скоро уеду.

– Но пока ты здесь!

– Девочка, буду честным с тобой, ты мне нравишься, – мягко проговорил он, – но мне больше хотелось бы иметь такого друга, как ты, и ничего большего. Я уже тебе говорил, что пока не расположен заводить серьезные отношения. К тому же мое сердце молчит. Искры между нами не пробежало. Ты мне кажешься милой, симпатичной, с тобой легко общаться.

– Но... искра пробежала, я это чувствую! – упрямо сказала она и надула губы.

– Хорошо, открою тебе глаза, как все происходит, – задушевым тоном проговорил Виктор. – Ты юна, твое тело вырабатывает определенные гормоны, которые и управляют твоей психикой. Так уж мы устроены, мы обязаны продолжать род, и природа нас к этому подталкивает. И вот появляется мужчина, который тебе нравится внешне, привлекает тебя своим запахом, к тому же он свободен и богат. Ты тянешься к нему, начинаешь думать, как все могло бы быть, мечтаешь по ночам. И готово! Ты решаешь, что это и есть любовь. А это всего лишь симпатия, подогретая факторами, о которых я сейчас упомянул.

– Нет, милый! Это все не так! – ответила Сибилла и нахмурилась.

– Хорошо, – спокойно сказал он. – Представь, что я нищий, что меня разыскивает Интерпол из-за совершенного преступления, что я совсем не тот, что тебе кажется. И как ощущения?

Сибилла вздрогнула и широко открыла глаза. Она замерла, вглядываясь в лицо Виктора, но он оставался невозмутимым.

– Но... этого быть не может! – неуверенно проговорила она и закусила нижнюю губу.

– Почему же? – усмехнулся он. – Как раз такое вполне возможно!

Девушка вскочила и бросила недоеденное яблоко на пол. Виктор расхохотался.

– Подумай обо всем! – посоветовал он. – Пора уже взрослеть!

– Какой ты зануда! Зачем же такой прелестной девушке читать нотации? – раздался звонкий голосок, и на террасу вышла эффектная молодая женщина.

Строгий льняной костюм, состоящий из узкой юбки и приталенного короткого жакета, четко обозначал линии ее соблазнительной фигуры, а светло-розовый цвет «запыленной розы» оттенял загорелую кожу. Туфли-лодочки на высокой шпильке были матово-бежевые и удлиняли ее и без того стройные и длинные ноги. Короткая стрижка открывала лицо. Светло-зеленые глаза обрамляли черные ресницы, изогнутые брови подчеркивали красоту высокого лба. Губы были пухлыми и розовыми. Казалось, что женщина не пользуется косметикой, и ее естественным краскам дана яркость от природы.

– Buon giorno... – растерянно произнесла Сибилла, не сводя глаз с неожиданной гостьи.

Та лишь кивнула и улыбнулась.

– Сибилла, Соланж, – сухо представил девушек Виктор и пристально посмотрел на высшую.

Ее появление изумило, но он привык не показывать эмоций.

– А еще говорил мне, что сердце холодное, никто не интересуется и все такое! – с обидой проговорила Сибилла. – А сам-то! Окружен красотками... – Она зло глянула на невозмутимую Соланж. – Я все поняла! – продолжила после паузы. – И вовсе я тебя не люблю! Тут ты прав! И сейчас ты мне даже неприятен. Addio!

И девушка выбежала с террасы.

Соланж проводила ее насмешливым взглядом, уселась без приглашения в кресло и взяла кисточку винограда из вазы.

– Привет, – настороженно сказал Виктор и прикрыл колени полами халата.

– Salut! – ответила Соланж и рассмеялась.

Появились обворожительные ямочки на щеках, глаза заискрились, лицо выглядело очаровательно и притягивало взгляд. Виктор буквально не мог оторваться от созерцания прелестного создания, сидящего напротив. Сексуальная энергия молодой женщины была через край, манила и дурманила разум.

«Если бы я не знал, что Соланж принадлежит к Ордену, то решил бы, что она прилипла, – невольно подумал Виктор. – Только они обладают такой непреодолимо притягательной сексуальной силой».

Ее правая бровь дрогнула, глаза прищурились, и он снова ощутил неприятное покалывание в висках, словно в его мозг пытались вонзиться иголки. Машинально, отработанным приемом он опустил черную плотную завесу между собой и гостьей. Ее зрачки расширились, лицо приняло на миг замкнутое выражение. Но ощущение покалывания у Виктора исчезло, и он расслабился.

– Чем обязан? – сухо спросил он.

– Любопытство, – коротко ответила она.

– Кофе? Может, бокал вина? – после паузы предложил он. – Кстати, как ты прошла на виллу? Охрана разве не на месте?

– На месте, – улыбнулась Соланж. – Но я легко могу убедить кого угодно...

– Понятно! – рассмеялся он. – Наверняка все высшие обладают мощным даром убеждения! Только я десять лет был уверен, что все начальники пятерок исключительно мужчины.

– Ты что-то имеешь против женщин? – лукаво спросила она. – Ах да... «С той поры, сгорев душою, / Он на женщин не смотрел, / И до гроба ни с одною / Молвить слова не хотел», – процитировала она.

– А что тебя удивляет? У всех у нас раны на сердце, ведь мы живые люди. И я не знаю никого, кто бы не страдал от предательства близких, неразделенной любви и всего такого, – быстро проговорил он. – И разве это не на руку Ордену? Ловцам запрещено любить!

– Запрещено, – тихо ответила Соланж и расстегнула верхнюю пуговицу жакета. – Но так даже проще...

Виктор замер, не сводя глаз с ее нежной персикового оттенка кожи. Загар казался естественным, легким и красивым. Следующая пуговица была расстегнута, за ней еще одна. Соланж не носила белье, и ее округлая упругая грудь обнажилась полностью. Взгляд Виктора зацепился за соски. Они были очень темными, практически черными, и в сочетании с персиковой кожей это выглядело странно, неестественно и от этого неприятно. Он сжал их, соски сморщились и стали похожи на ягоды ежевики. Соланж наклонилась и впиалась губами в его губы. Он жарко ответил. Поцелуй был глубоким, все его мысли исчезли, осталось лишь всепоглощающее желание. Он оторвался от девушки и глянул в ее лицо затуманенными глазами. Ее губы – поцелуй стер розовую помаду – были тоже странного темного цвета.

«Может, ее корни в Африке», – предположил Виктор.

Соланж облизнула губы, обхватила его и прижала к себе. Желание накатило с новой силой.

Виктор больше не мог себя сдерживать и начал ласкать девушку. Но его смутил странный запах, идущий от ее тела. Это был будто бы и розовый сладкий аромат, но с оттенком какой-то гнили. Это на миг оттолкнуло. Но возбуждение нарастало. И Виктор одной рукой забрался под юбку, другой начал гладить обнаженную грудь, мягко сжимая и оттягивая соски. Соланж замерла, ее губы приоткрылись, дыхание убыстрилось...

Но до конца они не дошли. Послышался стук каблучков, тихое покашливание, и Виктор быстро переместился в кресло. Соланж невозмутимо опустила юбку и застегнула жакет. Ее лицо выглядело спокойным, только яркий румянец выдавал волнение.

На террасу вышла горничная с подносом.

– Ваш кофе, синьор, – вежливо произнесла она, поставила поднос на столик и глянула с удивлением на Соланж.

Та молча кивнула. Горничная разлила дымящийся кофе в чашечки и выпрямилась, ожидая дальнейших указаний.

– На сегодня можете быть свободны, – сказал Виктор.

Горничная удалилась.

Соланж отпила кофе, поморщилась и заметила, что любит со сливками.

– А я предпочитаю эспрессо и без сахара, – ответил Виктор, но свою чашечку даже не взял.

– Горничную отпустил, – ничего не выражающим тоном сказала она.

Виктор взял чашку из ее холодных пальцев, аккуратно поставил ее на стол и прижался губами к приоткрытым губам Соланж. Она страстно ответила, обхватив его за шею. Он поднял ее на руки и отнес в спальню. Горничная уже заправила его кровать, и он опустил девушку на шелковое покрывало. Она стянула одежду и отбросила ее. Остались лишь туфельки, и эта деталь его моментально возбудила. Лодочки на высокой шпильке – фетиш многих мужчин, и он был не исключение. Виктор дрожал, изучая расprostертое перед ним прекрасное обнаженное тело, длинные ноги, оканчивающиеся узкими туфельками. И он уже не обращал внимания на слишком темные соски и губы. Соланж тихо засмеялась и приподняла правую ногу. Виктор скинул халат и сел на край кровати. Он снял туфельку и начал

целовать ступню, затем двинулся мелкими поцелуями по ноге до колена, его руки нежно гладили кожу, Соланж замерла. Ее колени раздвинулись...

Потом они лежали какое-то время молча. Виктор перевернулся на спину и закинул руки за голову. Разум начал проясняться, в душе он ругал себя за совершенное. Близость с высшей не укладывалась в голове. Это было странно, и он не мог до конца понять ее мотивов. Секс он любил и привык пользоваться женскими телами для удовлетворения своих физических потребностей. Но обычно это были кратковременные случайные связи или услуги проститутки. Последний вариант был для него предпочтительнее. Как-то Виктор прочитал, что если не избавляться от спермы на четвертый день, то в ней начинают накапливаться канцерогенные вещества. И он старался вести «здоровый образ жизни» всеми доступными способами. Если рядом не оказывалось женщины, то он помогал себе сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.